
Человеческая
для
волка и вампира
Полина Амов

Полина Амор
Человеческая для волка и вампира

https://litres.ru/74742054

Аннотация

— Моя, — рычит волк.

— Даже не мечтай, — цедит вампир.

— Я. Принадлежу. Себе, — говорю я и швыряю чашку в стену.

Зря. Теперь они оба смотрят на меня так, будто я только что подписала себе приговор.

Ещё вчера я была обычной девушкой — реставрировала старые книги и никому не мешала жить. А сегодня стою между двумя армиями, и два врага, ненавидящие друг друга триста лет, называют меня своей истинной.

Одновременно. Альфа, который сгорает от одного моего запаха.

И вампир, который скорее умрёт от голода, чем возьмёт мою кровь без разрешения. Они говорят — я должна выбрать одного.

Их советы говорят — или я выберу, или умру. А древний дневник шепчет: последнюю такую, как я, убили. Именно за то, что она отказалась выбирать. Но у меня для всех плохие новости. Я не выбираю. Я забираю обоих.

Содержание

ГЛАВА 1. ОБЫЧНАЯ ДЕВУШКА 4
ГЛАВА 2. НАПАДЕНИЕ 11
ГЛАВА 3. ДВА ПОХИТИТЕЛЯ 18
ГЛАВА 4. НЕВОЗМОЖНАЯ СВЯЗЬ 25
ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ НОЧЬ 36
ГЛАВА 6. ВЫБОР, КОТОРОГО НЕ БУДЕТ 48
ГЛАВА 7. НЕЙТРАЛЬНЫЙ ДОМ# ГЛАВА 7. НЕЙТРАЛЬНЫЙ ДОМ 59
ГЛАВА 8. ЗВЕРЬ И ГОЛОД 71
ГЛАВА 9. ДОБРОВОЛЬНО 79
ГЛАВА 10. РЕВНОСТЬ 87
ГЛАВА 11. ЭЛИАНА 97
ГЛАВА 12. В ОГНЕ 112
ГЛАВА 13. ТРОЕ В ОДНОЙ КОМНАТЕ 127
ГЛАВА 14. МОЙ ВЫБОР 139
ГЛАВА 15. УБЕЖИЩЕ ЭЛИАНЫ 151
ГЛАВА 16. БАЛ КРОВИ 160
ГЛАВА 17. ПЕРВАЯ НОЧЬ 170
ГЛАВА 18. ПРЫЖОК 182
ГЛАВА 19. ДОГОВОР ТРОИХ 192
Конец ознакомительного фрагмента. 194

ГЛАВА 1. ОБЫЧНАЯ ДЕВУШКА

Старая бумага пахнет пылью, воском и чужой жизнью.

Я склоняюсь над столом и осторожно веду кистью по краю страницы. Дневник лежит передо мной в круге лампы, распластанный, беззащитный, как раненая птица. Ему почти двести лет. Его нашли месяц назад в стене особняка на Каменной набережной, когда рабочие ломали кладку. Свёрток из провощённой ткани, а внутри тетрадь в переплёте из тёмной кожи.

Кто-то очень хотел его спрятать.

Или сохранить.

Я реставратор. Возвращаю к жизни то, что время почти убило. Мне двадцать семь лет, и лучшие свои часы я провожу наедине с мёртвыми письмами, выцветшими чернилами и людьми, которых давно нет. Смешно, но с ними мне проще, чем с живыми. Мёртвые не требуют быть удобной.

Страница поддаётся. Проступают строки, написанные быстрым женским почерком. Чернила выгорели до цвета запёкшейся крови.

«Когда кровь встретит луну вновь, война закончится».

Я замираю.

Эта фраза повторяется в дневнике уже третий раз. На разных страницах, среди повреждённого текста, будто женщина возвращалась к ней снова и снова. Как к молитве. Или как

к приговору.

Я наклоняюсь ближе, и кончики пальцев вдруг начинает покалывать. Мелко, горячо, словно я поднесла руку к открытому огню. Я отдёргиваю ладонь и смотрю на неё, как дура.

Статическое электричество. Сухой воздух. Всё просто.

Только сердце почему-то колотится.

Ниже, под слоем грязи и времени, я расчищаю ещё одно слово. Имя.

«Элиана».

Красивое. Странное. Не русское и не европейское, ничьё. Я произношу его шёпотом, одними губами, и на секунду мне кажется, что лампа надо мной мигает.

— Соколова, ты ещё здесь?

Я вздрагиваю так, что едва не сношу локтем банку с раствором. В дверях мастерской стоит Аркадий Петрович, руководитель фонда. Полный, добрый, вечно уставший.

— Заканчиваю, — говорю я.

— Заказчик торопит. Звонили сегодня опять. Спрашивали, сколько страниц восстановлено и было ли там что-то про… — он заглядывает в бумажку, — «символ двух лун». Странные люди, честное слово. Платят как за икону, а это просто дневник какой-то барышни.

— Просто дневник, — повторяю я.

Пальцы всё ещё покалывает.

Аркадий Петрович уходит, а я сижу и смотрю на имя, проступившее из небытия. Заказчика я никогда не видела. Днев-

ник привезли через посредника, деньги пришли со счёта какой-то фирмы с безликим названием. Меня это не касается. Моё дело маленькое: очистить, укрепить, вернуть буквам жизнь.

Я привыкла, что моё дело всегда маленькое.

Этому меня хорошо научили.

Три года с Виталиком были как эта работа с бумагой, только наоборот. Там я по крупицам восстанавливала чужой текст, а дома кто-то по крупицам стирал мой собственный. Аккуратно, без скандалов. «Зачем тебе это платье, ты в нём вульгарная». «Опять со своими книжками возишься, лучше бы борщ сварила». «Куда тебе на конференцию, кто тебя там ждёт».

Он никогда не кричал. Он вздыхал. И от этих вздохов я сжималась сильнее, чем от крика.

Я научилась ходить тихо. Говорить тихо. Хотеть тихо. К концу третьего года я умела желать только того, что было удобно ему, и называла это любовью.

А потом он ушёл к другой. К громкой, яркой, в том самом вульгарном красном платье. И на прощание сказал мне то, что я до сих пор ношу под кожей, как занозу:

— С тобой, Мира, как с мебелью. Удобно, но скучно.

Год прошёл. Я так и живу. Тихо.

Только иногда, ночами, внутри меня что-то ворочается. Горячее, злое, живое. Оно хочет громкого. Хочет, чтобы меня выбирали не потому, что я удобная. Хочет чужих рук, от

которых темнеет в глазах. Я давлю это в себе, как давят тлеющую спичку каблуком.

Приличные девушки такого не хотят.

Я убираю дневник в сейф, гашу лампу и выхожу в октябрьский вечер.

До дома два километра, и я всегда иду пешком, через старые кварталы. Люблю эти улицы. Фонари здесь жёлтые, тёплые, дома старые, и город в этот час притворяется добрым.

Сегодня он притворяется плохо.

Я замечаю это не сразу. Сначала просто зябко между лопаток, будто кто-то смотрит в спину. Я оборачиваюсь. Улица пуста. Ветер гонит лист по асфальту, и звук такой, словно кто-то скребёт когтями по камню.

Хватит, Соколова. Начиталась про кровь и луну.

Я сворачиваю на свою улицу, и тут слышу звук. Глухой, мясной, отвратительный. Так бьют человека. Не в кино, а по-настоящему, когда удары ложатся в тело, как в тесто.

Звук идёт из переулка за старой аптекой.

Правильные девушки проходят мимо. Правильные девушки достают телефон, звонят куда надо и не лезут. Я достаю телефон. Пальцы дрожат, экран расплывается.

И тогда я слышу стон. Тихий, сорванный, почти детский.

Ноги несут меня в переулок раньше, чем голова успевает запретить.

— Эй! — мой голос тонкий и жалкий, он отскакивает от стен. — Я уже вызвала полицию! Они едут!

Вру. Не успела.

В переулке темно, только в дальнем конце горит одинокая лампочка над железной дверью. В её свете я вижу человека. Он лежит у стены, среди мусорных баков, неловко подломив под себя руку. Высокий, крупный мужчина, а скорчился, как мальчишка. Тех, кто его бил, нет. Никого нет. Хотя я слышала удары секунду назад, и уйти отсюда можно только мимо меня.

По спине течёт холод.

— Вы живы? — я делаю шаг. Ещё один. — Сейчас, я помогу… у меня телефон, я звоню…

Под подошвой хрустит стекло. Мужчина шевелится. Медленно, тяжело, будто каждое движение стоит ему года жизни. На асфальте под ним расплывается тёмное, и в жёлтом свете лампочки это тёмное совсем не похоже на воду.

Я опускаюсь рядом на корточки. Пахнет железом, так густо, что вкус крови появляется у меня во рту. Рука сама тянется к его плечу.

— Потерпите, сейчас…

Он поднимает голову.

Я смотрю ему в лицо и забываю, как дышать.

Он молодой и красивый той красотой, от которой неуютно. Слишком правильной. Слишком гладкой, несмотря на разбитую бровь и кровь на подбородке. Но не это выворачивает мне душу наизнанку.

Глаза.

В жёлтом свете лампочки его зрачки стоят вертикально. Узкие чёрные щели в радужке цвета расплавленного янтаря. Так смотрят кошки. Так смотрят змеи. Так не смотрят люди.

Зрачки вздрагивают, сужаются ещё сильнее, и я понимаю, что он смотрит не на меня.

Он смотрит мне за спину.

— Дура, — хрипит он, и в голосе больше жалости, чем злости. — Беги.

Я не успеваю даже вдохнуть.

Позади меня, совсем близко, там, где секунду назад была только пустая ночь, кто-то тихо смеётся.

И от этого смеха у меня останавливается сердце.

Книга участвует в литмобе Луна и Кровь!
https://litnet.com/shrt/7ltv

Она изм
ЭЛОНА ДЛАС

ГЛАВА 2. НАПАДЕНИЕ

Я оборачиваюсь медленно, как во сне, когда тело не слушается, а сон уже понял, что стал кошмаром.

В трёх шагах от меня стоят четверо. Секунду назад переулок был пуст, я готова поклясться чем угодно, он был пуст. Теперь они стоят полукругом, отрезая меня от улицы, и фонарный свет обтекает их, словно боится касаться.

Все четверо красивые. Это первое, что замечает мой глупый мозг. Красивые, бледные, в дорогих пальто, будто вышли из театра. И все четверо смотрят на меня так, как не смотрят на женщину.

Так смотрят на еду.

— Надо же, — говорит тот, что смеялся. Он выше остальных, у него скулы как лезвия и рот, привыкший к усмешке. — Сработало. Я говорил, что на раненого щенка кто-нибудь клюнет.

— Человеческая, — тянет второй и наклоняет голову набок, по-птичьи. — Тёплая.

Тёплая. Обо мне говорят «тёплая», как о булке.

— Я… — горло сжимается. — Я просто шла мимо. Я ничего не видела.

— Конечно, милая, — ласково соглашается первый. — Ты ничего не видела. И уже никому ничего не расскажешь.

Позади меня раненый шевелится. Слышится влажный,

надорванный не то стон, не то рык.

— Не тронь её, — хрипит он. — Она случайная. Она не при чём, пиявка.

— Она свидетель, — пожимает плечами тот. — А ты приманка, щенок. Приманка не разговаривает. Приманка лежит и истекает, пока не придёт твой хозяин. Кстати, где он? Мы старались, шумели. Невежливо заставлять гостей ждать.

Пиявка. Щенок. Хозяин. Слова сыплются на меня, и ни одно не помещается в голове. Я делаю крохотный шаг в сторону, к стене. Может, если очень медленно, если вдоль кирпича, если стать совсем незаметной…

Я всю жизнь училась быть незаметной. Должно же это хоть раз пригодиться.

— Куда же ты? — бледный оказывается рядом мгновенно. Вот он стоял в трёх шагах, а вот его пальцы уже держат мой подбородок, холодные, как ноябрьская вода. Он поворачивает моё лицо к свету и изучает, как я изучаю старые рукописи. — Смотри-ка. А она ничего. Может, не будем торопиться, а, братья? Ужин приятнее, когда…

Он не договаривает.

Потому что ночь ломается пополам.

Сначала звук. Низкий, утробный рёв, от которого дрожат стёкла в мёртвой аптеке и что-то дрожит у меня внутри, ниже сердца, в самом тёмном и честном месте. Так не кричит ни один зверь, которого я знаю.

Потом крыша.

С крыши двухэтажной аптеки, с высоты добрых шести метров, в переулок прыгает мужчина. Он приземляется между мной и бледными легко, как кошка, и асфальт всё равно ахает под его весом. Он огромный. Под два метра, широкий, тяжёлый, в распахнутой куртке на голое тело, словно холод для него слух, а не факт. Тёмные волосы, жёсткая щетина, и глаза горят янтарём даже в полутьме.

— Ну наконец-то, — вздыхает бледный и отпускает мой подбородок. — Хозяин пожаловал.

— Кайр, — раненый пытается встать и падает. — Уводи… это ловушка…

— Знаю, — голос у гиганта такой, что у меня поджимаются пальцы в ботинках. Он не смотрит на меня. Он смотрит на четверых, и губы его расходятся, открывая зубы. — Вы порезали моего мальчишку на моей земле, кровососы. Я вас на ленты порву.

— На твоей земле? — бледный смеётся. — Посмотри на карту, псина. Эта улица спорная. А будет наша.

И тут всё происходит сразу.

Я не успеваю увидеть, кто двинулся первым. Мир просто взрывается движением. Бледные размазываются в воздухе, огромный Кайр встречает их, и звук от столкновения такой, будто на скорости сшиблись две машины. Кого-то впечатывает в стену, кирпич брызжет крошкой. Мусорный бак летит через весь переулок и складывается о столб, как бумажный.

А я стою посреди этого. Маленькая. Тёплая. Никому не

нужная и всем мешающая.

Я бросаюсь к стене, спотыкаюсь о раненого, падаю. Ладонь въезжает в битое стекло, и боль вспыхивает острая, чистая, почти звонкая. Осколок распарывает кожу у основания большого пальца. Кровь выступает сразу, щедро, тёмной каплей, срывается и разбивается об асфальт.

Капля. Одна капля.

И мир останавливается.

Я не сразу понимаю, что случилось. Только что переулок был полон рёва, хруста и ярости, а теперь в нём стоит такая тишина, что я слышу собственное сердце. Все замерли. Все до одного. Четверо бледных, раненый мальчишка, гигант Кайр с занесённым кулаком.

Все смотрят на меня.

Нет. Не на меня.

На мою руку.

— Что… — шепчу я и прижимаю ладонь к груди, пачкая куртку. — Что вы…

Кайр поворачивается ко мне всем телом, медленно, как поворачивается корабль. Ноздри его раздуваются. Он делает вдох, глубокий, жадный, пьяный, и глаза его вспыхивают таким огнём, что мне жарко через весь переулок. Что-то идёт по нему волной, по плечам, по рукам, под кожей словно перекатываются не мышцы, а звери. Кости его лица будто плывут.

— Не может быть, — говорит он глухо, и голос у него уже

не совсем человеческий. — Этого не может…

Он не договаривает.

Потому что в переулке становится холодно.

Холод приходит как прилив, мягко и неотвратимо, и вместе с ним из темноты выходит ещё один мужчина. Я не слышала шагов. Никто не слышал. Он просто появляется в жёлтом круге света, высокий, в чёрном пальто, застёгнутом на все пуговицы, и рядом с ним даже бледная четвёрка кажется дворовой шпаной у витрины ювелирного.

Он красив так, что на него больно смотреть. Тёмные волосы, бледное лицо, вылепленное скупо и безупречно, и глаза цвета старого серебра. Спокойные. Пустые. Страшные именно этим спокойствием.

— Господин Вейр, — бледный, тот самый, со скулами, вдруг сгибается в поклоне, и куда девается вся его усмешка. — Мы не знали, что вы лично…

— Помолчи, — тихо говорит мужчина в пальто, и бледного будто выключают.

Он идёт через переулок неторопливо, и я вижу, как расступаются перед ним, как отводит взгляд даже огромный Кайр, нет, не отводит, наоборот, скалится, подбирается, но не бросается, и в этом «не бросается» больше страха, чем в любом бегстве.

Мужчина в пальто останавливается. Втягивает воздух. Едва заметно, одними ноздрями, куда сдержаннее, чем Кайр.

И его лицо меняется.

Позже я узнаю, что Дамиан Вейр не менялся в лице двести лет. Что его выдержку ставят в пример вампирским детям. Что его невозможно удивить, разозлить, пронять.

Но это позже.

А сейчас я просто вижу, как у безупречного мужчины с серебряными глазами дрогают губы. Как расширяются зрачки, затапливая радужку чернотой. Как он поворачивает голову, медленно, неохотно, будто борется с собственной шеей, и находит взглядом меня. Мою прижатую к груди руку. Мою кровь.

— Вот как, — говорит он почти неслышно.

И столько всего в двух этих словах, что у меня подкашиваются колени.

— Уходите отсюда, — я сама не узнаю свой голос, он тонкий, ломкий, но он звучит. — Все. Пожалуйста. Я никому ничего не скажу, я просто… я просто шла домой.

Никто не слушает. Мужчины смотрят на меня, и между ними натягивается что-то невидимое и гудящее, как провод под током.

Огромный Кайр делает шаг ко мне. Земля вздрагивает.

— Моя, — рычит он.

Слово падает в переулок, как камень в воду. Раненый мальчишка за моей спиной судорожно втягивает воздух. Бледная четвёрка пятится.

Дамиан Вейр очень медленно снимает с рукава невидимую пылинку. Смотрит на Кайра поверх меня, и в серебря-

ных глазах загорается что-то древнее и очень нехорошее.

— Даже не мечтай, — говорит он.

И оба поворачиваются ко мне.

ГЛАВА 3. ДВА ПОХИТИТЕЛЯ

Они смотрят на меня, и я делаю единственное разумное, что умею.

Бегу.

Точнее, пытаюсь. Я успеваю развернуться, сделать два шага, и мир дёргается. Чужая рука перехватывает меня поперёк талии, легко, как ребёнка, земля уходит из-под ног, и в лицо бьёт горячий запах. Дым, хвоя, звериное тепло. Кайр. Я вишу у него на плече, и его ладонь лежит на моих бёдрах так, словно имеет на это право.

— Тихо, — гудит он сверху. — Не дёргайся, поранишься.

— Поставь меня! — я колочу кулаком по его спине, с тем же успехом можно бить в стену дома. — Немедленно!

— Волк, — голос Дамиана долетает сзади, спокойный, ледяной. — Поставь женщину.

— Догони и забери, — усмехается Кайр.

И прыгает.

Желудок остаётся где-то внизу, в переулке. Мы взлетаем, крыша аптеки бьёт по глазам ржавым железом, потом ещё крыша, потом ночь размазывается в полосы фонарей. Он несётся по крышам с человеком на плече так, будто я весенняя куртка, а не взрослая женщина шестидесяти килограммов. Я перестаю кричать, потому что от крика можно прикусить язык, и просто цепляюсь за его куртку, зажмурившись.

А потом становится холодно.

Холод настигает нас на плоской крыше какого-то склада. Кайр вдруг разворачивается, рычит, и мир снова кувыркается. Меня выдёргивают из его рук, как выдёргивают книгу с полки, аккуратно и без спроса. Другие руки. Холодные, в чёрной шерсти пальто.

Теперь я прижата к груди, в которой не стучит сердце.

— Прошу прощения за него, — светски говорит Дамиан, отступая к краю крыши. — Псы плохо понимают слово «нельзя».

— Отдай её, пиявка! — рёв Кайра сотрясает крышу.

— Не отдам.

И мы падаем с крыши.

Я всё-таки кричу. Ветер обрывает крик, чернота, рывок, мягкое приземление, которого не должно быть с высоты четырёх этажей. Мостовая. Машина, длинная и чёрная, дверца открывается сама. Меня усаживают на кожаное сиденье бережно, как фарфор.

— Пристегнись, — говорит Дамиан.

Дальше я помню рваными кусками. Машина летит по ночному городу. Потом удар, визг резины, крыша машины прогибается, словно на неё упал лось. В окне мелькает оскаленная морда, уже не совсем человеческая. Дверь отрывается с мясом. Горячие руки. «Моя, я сказал». Снова холодные. «Ты испытываешь моё терпение, волк». Меня тянут в разные стороны, как куклу, и последнее, что я чувствую, это резкий

сладковатый запах с приторной ноткой, тряпка у лица, чей-то третий голос: «Хватит, вы её угробите, дайте я»…

Темнота.

Я просыпаюсь от запаха кофе.

Лежу и не открываю глаза, потому что пока глаза закрыты, можно верить, что всё это приснилось. Переулок, вертикальные зрачки, двое мужчин, деливших меня в воздухе над ночным городом.

Под щекой бархат. Дома у меня нет бархата.

Я открываю глаза.

Комната из чужой жизни. Высокий лепной потолок, тяжёлые шторы бордового цвета, камин, в котором горит настоящий огонь. Я лежу на диване, укрытая пледом, моя ладонь аккуратно перебинтована. Пахнет кофе, дымом и стариной. Так пахнет в музеях после закрытия.

И ещё в комнате пахнет ссорой.

— …третий раз повторяю, блохастый ты недоразумение. Она поедет со мной.

— Через мой труп, кровосос.

— Не искушай.

Они стоят у камина. Двое. Огромный Кайр, занявший собой половину комнаты, куртка брошена на кресло, серая футболка натянута на плечах, как на валуне. И Дамиан, безупречный, застёгнутый, со стаканом тёмного в тонких пальцах. Свет огня ложится на его лицо и не греет его.

Обо мне говорят так, будто меня здесь нет.

— Стая обеспечит ей защиту, — Кайр рубит воздух ладонью. — Дом, охрану, границу, которую ваши не пересекут. Она будет жить.

— В сарае с собаками, — Дамиан пригубливает из стакана. — Прелестно. Она человек, волк. Хрупкий, городской человек. Ей нужны стены, документы, деньги, врачи. У меня есть всё. У тебя есть лес и блохи.

— У меня есть то, чего у тебя нет, мертвец. Я живой.

— Это временно.

— Она моя истинная!

— Она и моя истинная, — впервые голос Дамиана звенит, как лёд в стакане. — В этом, видишь ли, вся проблема.

Я сажусь на диване. Плед сползает, пружины тихо скрипят, и оба мгновенно поворачивают головы. Смотрят. У меня по коже бегут мурашки, горячие от одного взгляда, холодные от другого, и я ненавижу своё тело за то, как оно отзывается. Как тянет внизу живота. Как хочется одновременно спрятаться и шагнуть ближе.

— Ты проснулась, — Кайр делает шаг к дивану. — Как рука?

— Не подходи к ней, — Дамиан ставит стакан.

— А то что?

— Хватит, — говорю я.

Получается тихо. Как всегда у меня. Они не слышат, конечно. Они уже снова смотрят друг на друга, и воздух между ними густеет.

— Она едет в мой дом, там охрана рода…

— Она остаётся на землях стаи, я уже распорядился…

— Ты распорядился? Ею?

И что-то во мне лопается.

Тихо, буднично, как лопается перетянутая струна. Три года меня решали. Что мне носить, куда мне ходить, с кем дружить, кем быть. Меня двигали по жизни, как мебель, удобную, скучную мебель, а я улыбалась и позволяла, потому что боялась остаться одна. Потом меня выбросили. А теперь двое нелюдей, зверь и мертвец, стоят у чужого камина и делят меня, как трофей, даже не спросив, как меня зовут.

Никто из них не спросил, как меня зовут.

На столике возле дивана стоит чашка. Тонкий фарфор, золотой ободок, кофе, который кто-то заботливо мне налил. Я беру её. Рука не дрожит, и это странно, потому что внутри всё ходит ходуном.

— Она поедет со мной, — говорит Дамиан.

— Она останется со мной, — рычит Кайр.

— ОНА, — я поднимаюсь с дивана, — СТОИТ ПРЯМО ЗДЕСЬ!

И швыряю чашку в стену между ними.

Фарфор взрывается о камень белыми брызгами. Кофе течёт по стене, как тёмная кровь. Тишина падает такая, что слышно, как трещат поленья.

Двое мужчин, каждый из которых может убить меня движением пальца, смотрят на меня так, словно чашкой швыр-

нули в них.

— Я не «она», — голос у меня дрожит, но я уже не могу остановиться, слова рвутся наружу, горячие, копившиеся годами. — Меня зовут Мира. Мира Соколова. Мне двадцать семь лет. Я реставратор. Я живая. Я стою в этой комнате, я всё слышу, а вы делите меня, как… как вещь. Как шкаф. Хватит! Я не твоя, — палец в грудь Кайру, он моргает. — И не твоя, — палец в сторону Дамиана, бровь его ползёт вверх. — Я принадлежу себе. Себе! И если кто-то из вас ещё раз скажет обо мне «она» в моём присутствии, я… я не знаю, что я сделаю, но чашек здесь много!

Я замолкаю, задыхаясь. Сердце грохочет. Сейчас, думаю я. Сейчас меня убьют. Или посмеются. Виталик бы вздохнул и сказал: «Истеричка».

Кайр смотрит на меня во все глаза, и в янтаре что-то плавится. Медленно, недоверчиво, углами губ он начинает улыбаться, как мальчишка, которому показали чудо.

А Дамиан…

Дамиан смеётся.

Тихо, почти беззвучно, опустив голову, и это, кажется, пугает Кайра больше, чем всё, что случилось за ночь.

— Ты чего, пиявка? — настороженно спрашивает он.

— Двести лет, — Дамиан поднимает лицо, и улыбка на нём живая, настоящая, от неё у меня слабеют колени, и я снова злюсь на себя. — Двести лет никто не смел повышать на меня голос. Ни князья, ни советы, ни армии. А теперь че-

ловеческая женщина ростом мне по плечо швыряется в меня фарфором восемнадцатого века и требует уважения. — Он делает шаг ближе, втягивает воздух, и глаза его темнеют. — И знаешь, что самое смешное, волк? Понюхай её. Сейчас, когда она злится. Внимательно.

Кайр хмурится. Ноздри его вздрагивают.

И я вижу, как с его лица сходит краска.

— Нет, — говорит он. — Нет, это сказки. Так не бывает. Она пахнет как… — он осекается.

— Договаривай, — мягко, почти ласково произносит Дамиан, не сводя с меня почерневших глаз. — Она пахнет как истинная. Не твоя. Не моя. Наша. Для нас обоих, волк. Ты понимаешь, что это значит?

Полено стреляет в камине искрами.

Кайр, двухметровый альфа, который час назад в одиночку бросался на четверых, смотрит на меня так, будто под ним качнулась земля.

— Этого не было триста лет, — шепчет он. — С тех пор, как убили…

— Именно, — говорит Дамиан, и улыбка сходит с его губ. — С тех пор, как убили последнюю.

ГЛАВА 4.
НЕВОЗМОЖНАЯ СВЯЗЬ

Есть три стадии принятия невозможного.

Сначала ты смеёшься.

Потом требуешь доказательств.

А потом сидишь на бархатном диване в чужом доме, смотришь на волка размером с телёнка и понимаешь, что у тебя больше нет мира, в который можно вернуться.

Но я пока на первой стадии.

— Убили последнюю, — повторяю я и слышу, как истерично звучит мой голос. — Прекрасно. Знаете что? Спасибо за кофе. Спасибо, что перевязали руку. Я вызываю такси и уезжаю домой.

— Нельзя, — говорит Кайр.

— Мне нельзя домой?

— Тебе нельзя одной.

— Мне двадцать семь лет! — я поднимаюсь. Плед падает на пол. — Я хожу одна с четырнадцати! Слушайте, я всё поняла. Вы какая-то… секта. Или ролевики. Или бандиты с очень творческим подходом. Мне всё равно. Я никому ничего не скажу, я вообще не умею разговаривать с людьми, честное слово, я целыми днями молчу над бумагой…

— Мира, — говорит Дамиан.

Он впервые называет меня по имени.

И моё имя в его исполнении звучит так, что я замолкаю на полуслове. Он произносит его медленно, каждый звук отдельно, будто пробует на вкус старое вино. Ми-ра. По спине бежит холодок, тонкий, острый, и вместе с ним что-то ещё, чему я не хочу давать названия.

— Ты видела то, чего не должна была видеть, — говорит он. — Ты не сможешь это развидеть. И, боюсь, тебе придётся выслушать всё до конца.

— А если я не хочу?

— Тогда ты умрёшь, — просто отвечает он. — В течение недели. Возможно, раньше.

Я сажусь обратно на диван.

Не потому, что мне страшно. Хотя мне страшно. Просто ноги вдруг перестают держать.

Они рассказывают по очереди, и это худший урок истории в моей жизни.

Город делится надвое.

Не на районы, как я думала. На ночь и на другую ночь.

Центр, старые дома, банки, клубы, ювелирные, аукционы, часть городской думы, часть полиции. Это вампиры. Их немного, несколько сотен на весь город, но у них деньги, время и терпение. Они живут веками. Они умеют ждать.

Окраины, порт, лес за кольцевой, склады, дальнобои, стройки, рынки. Это стая. Их больше, они беднее, они живут быстро и умирают в драках. Оборотни.

Они воюют триста лет.

— За что? — спрашиваю я.

Мужчины переглядываются. Впервые за ночь без ненависти. С одинаковой неловкостью.

— За убийство, — говорит Дамиан. — Триста лет назад была убита женщина. Каждая сторона утверждает, что убийца из другой. Дальше пошло по кругу. Месть, ответ, месть на ответ. Через сто лет причина уже не имела значения.

— Мои говорят, её выпили ваши, — глухо роняет Кайр.

— Мои говорят, её загрызли ваши.

— И никто не знает правды, — говорю я.

— Правда никому не нужна, — Дамиан пожимает плечами. — Война удобна. Она объясняет всё. Почему растут налоги в клане, почему нельзя торговать с той стороной, почему нужно слушаться старших. Мир, знаешь ли, гораздо неудобнее.

Я слушаю и киваю, как вежливая девочка на скучной лекции.

А потом говорю:

— Вы больные.

Кайр моргает.

— Оба, — уточняю я. — Просто больные. Вампиры, оборотни, триста лет войны. Мне нужно домой. Я завтра работаю. У меня дневник в сейфе, восемнадцатого века, между прочим, а вы тут…

Кайр вздыхает.

И начинает раздеваться.

— Что вы делаете? — я вжимаюсь в спинку дивана.

— Показываю, — он стягивает футболку через голову одним движением.

Я забываю, что хотела сказать.

Он огромный. Не как в спортзале, а как бывают огромными люди, которые всю жизнь работают телом. Плечи, грудь, живот, всё это перевито мышцами и покрыто шрамами. Шрамов много. Белые полосы, рваные звёзды, следы, которые не оставляет ни один нож. По рёбрам идёт татуировка, черные волчьи следы уходят под пояс джинсов.

От него пахнет разогретым металлом и хвоей. Мне становится жарко в лицо, и я отворачиваюсь, но взгляд возвращается. Сам. Предатель.

— Мира, — говорит Кайр очень мягко. — Смотри на меня. Не бойся. Я никогда тебя не трону.

И он меняется.

Это не как в кино. В кино красиво и быстро.

Здесь страшно.

Его спина выгибается, будто позвоночник ломают изнутри. Хрустит. По-настоящему хрустит, влажно и жутко. Мышцы вспухают, кожа темнеет, покрывается шерстью, будто её выталкивает изнутри. Лицо вытягивается, и я слышу, как выворачиваются суставы, как трещат кости, как рвётся ткань джинсов. Он падает на четвереньки. Рычит от боли. Или не от боли.

Через десять секунд посреди гостиной стоит зверь.

Волк. Только волк ростом мне до груди, с грудной клеткой шире моих плеч, с лапами толщиной с мою руку. Шерсть тёмная, с рыжиной по бокам. И глаза янтарные, живые, человеческие.

Он смотрит на меня, и я вижу, что он боится. Он, зверь, который может перекусить меня пополам, боится, что я закричу.

Я не кричу.

Я сижу, вцепившись в бархат, и слышу собственное сердце.

— А теперь я, — тихо говорит Дамиан. — Извини за дурной вкус.

Он поворачивается ко мне. И улыбается.

Клыки выходят медленно. Из верхней челюсти, тонкие, белые, острые, они удлиняются, и в этом нет ничего смешного или карнавального. Это оружие. Так выглядит рот хищника, который открывают, чтобы ты запомнила.

Его глаза заливает чернотой от края до края.

И весь этот безупречный джентльмен в застёгнутом пальто становится тем, чем он есть.

Мёртвым существом, которое пьёт живых.

— Достаточно? — спрашивает он.

Голос из-за клыков выходит шипящим.

Я киваю. Раз. Другой. Не могу остановиться.

Потом наклоняюсь и очень аккуратно ставлю ноги на пол.

— Ясно, — говорю я. — Всё ясно. Хорошо. Прекрасно.

Волк делает шаг ко мне.

И я всё-таки закрываю лицо руками.

Когда я отнимаю ладони, Кайр снова человек. Голый по пояс, взмокший, тяжело дышащий, он сидит на корточках в двух шагах от дивана и не приближается. От джинсов остались лохмотья, но он в них, и на этом спасибо.

— Прости, — говорит он. — По-другому ты бы не поверила.

— Не извиняйся, — я слышу свой голос со стороны. Он ровный и мёртвый. — Я поверила.

Дамиан приносит воду. Я пью, и зубы стучат о край стакана.

— Теперь скажите мне главное, — говорю я. — Что такое истинная.

Они снова переглядываются. И снова эта неловкость, будто им обоим неудобно.

— У волков есть пара, — говорит Кайр. — Одна. На всю жизнь. Ты можешь спать с кем угодно, жениться, растить детей, а потом встретить её и понять, что жил вполсилы. Волк узнаёт свою женщину сразу. По запаху. Это не любовь, Мира. Любовь потом. Это узнавание.

— У нас это называется кровной парой, — Дамиан стоит у камина, спиной ко мне. — Реже, чем у них. Раз в сто лет. Может, реже. Вампир перестаёт чувствовать вкус чужой крови. Только её. Это считается благословением. Или про-

клятием, зависит от того, кого ты спросишь.

— И вы оба решили, что я…

— Никто ничего не решал, — обрывает Дамиан. — В этом-то и дело.

— То есть как это никто? — я поднимаюсь. — Кто-то же решил! Вы стоите здесь, говорите мне, что я чья-то пара, что вы меня узнали, что мой запах, моя кровь, что там ещё, мой пульс. А меня кто-нибудь спросил?

— Нет, — честно говорит Кайр.

— И меня не спросили, — тихо добавляет Дамиан.

— Меня тоже не спросили, вот в чём разница! — я почти кричу. — Вас двое, вы сильные, вы бессмертные, вы можете превращаться и летать с крыш! А я одна! Меня всю жизнь никто ни о чём не спрашивал, слышите? Мне говорили, какой быть, что носить, где работать, чего хотеть. И я согласилась, потому что была дурой. А теперь вы приходите и говорите, что даже моё тело выбрали без меня. Судьба выбрала. Запах выбрал. Кровь выбрала. А я?! Где в этом всём я?

Тишина.

Огонь трещит.

— Мы не знаем, — говорит Дамиан.

И этот ответ страшнее любого другого.

Я хожу по комнате. Мне нужно двигаться, иначе я закричу.

Кайр сидит на полу у камина. Дамиан стоит у окна. Я хожу между ними, туда и обратно, туда и обратно, и на пятом или

шестом круге происходит это.

Я останавливаюсь ровно посередине.

Между ними.

И мир меняет звук.

Сначала я думаю, что мне плохо. Что сейчас упаду. В ушах появляется гул, низкий, ровный, как гудение проводов. Потом я понимаю, что это не в ушах.

Это в груди.

Моё сердце бьётся неправильно.

Оно замедляется. Пропускает удар. Потом делает шаг в чужой ритм, тяжёлый и горячий, будто рядом бежит зверь, и я бегу с ним. Потом другой ритм, медленный, глубокий, холодный, как из колодца. И вдруг оба ритма сходятся, накладываются, и моё сердце ложится между ними, как третья струна.

Тук. Тук-тук. Тук.

По коже идёт волна. От затылка вниз, по позвоночнику, по бёдрам. Грудь становится тяжёлой. Дыхание сбивается. Внизу живота растекается горячее, тягучее, стыдное, и это не мысль, не желание, это просто случается со мной, помимо меня.

Я стою посреди чужой гостиной, между двумя нелюдями, и моё тело откликается им обоим.

— Что вы со мной делаете, — шепчу я.

Кайр поднимается с пола. Медленно.

— Мы ничего не делаем, — хрипло говорит он. И я вижу,

как ходит его кадык. — Ты чувствуешь?

— Что я должна чувствовать?

— Своё сердце, — говорит Дамиан от окна, и голос у него срывается.

Он оборачивается. Лицо белое. Руки сжаты за спиной так, что видно, каких усилий это стоит.

— Я слышу его, — говорит он. — С той минуты, как ты вошла в переулок. Но сейчас… сейчас оно бьётся не по-человечески, Мира. Оно бьётся в такт нам обоим.

— Я тоже слышу, — говорит Кайр.

Я хватаюсь за спинку кресла.

— Прекратите. Прекратите это!

— Мы не можем, — почти нежно отвечает вампир. — Никто не может. Это не заклинание. Его нельзя снять.

— Значит, я уйду, — я иду к двери. — Уеду. Другой город. Другая страна. Куда-нибудь, где нет ни волков, ни… ни вас.

— Через полтора месяца тебе станет плохо, — говорит Дамиан мне в спину. — Сначала бессонница. Потом сердце. Ты будешь просыпаться в четыре утра от боли в груди и не понимать, отчего.

— А нам будет хуже, — добавляет Кайр. — Но нас ты, наверное, жалеть не станешь.

Я стою у двери, держась за ручку.

— Я хочу домой, — говорю я. — Просто домой. В свою квартиру. Мне надо побыть одной, вы понимаете? Мне надо

сесть на свою кухню, налить свой чай и понять, сошла я с ума или нет. Отвезите меня домой. Пожалуйста.

Тишина за спиной длится слишком долго.

Слишком.

Я оборачиваюсь.

Дамиан смотрит на Кайра. Кайр опускает глаза, и на его лице появляется что-то такое, отчего у меня холодеет всё внутри.

— Что, — говорю я. — Что ещё?

Дамиан достаёт из внутреннего кармана телефон. Разблокирует его. Долго молчит.

— Мои люди приехали к тебе домой в половине первого ночи, — говорит он. — Забрать твои вещи, документы, лекарства. Чтобы тебе было легче.

Он поворачивает ко мне экран.

Моя прихожая. Обои содраны полосами со стен. Моя комната. Диван вспорот, поролон вывернут наружу, как внутренности. Книжные полки лежат на полу, и все мои книги, все до одной, распотрошены, страницы вырваны, корешки взрезаны ножом.

Моя кухня. Крупа высыпана на пол. Даже банка с чаем разбита.

Кто-то искал.

Не вещи. Не деньги. Мой ноутбук стоит на столе целый, я его вижу.

Искали бумагу.

— Они не грабили тебя, — тихо говорит Дамиан. — Они искали тонкое и плоское. То, что можно спрятать между страниц.

Пол уходит у меня из-под ног.

— Дневник, — шепчу я. — Они искали дневник.

Кайр поднимает голову.

— Какой дневник?

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ НОЧЬ

Своя квартира при свете фонарей из окна похожа на вскрытое тело.

Я стою в прихожей, в куртке, с ключами в руке, хотя дверь и так открыта, замок вывернут вместе с куском наличника. Пахнет пылью, крупой и чем-то кислым. Под ногами хрустит.

— Не входи дальше, — тихо говорит Кайр за моим плечом.

Я вхожу.

Обои содраны полосами, до серой штукатурки. Кто-то простукивал стены и не поленился вскрыть каждый пузырь. Ковёр из коридора вытащен и брошен в комнате, вспоротый по всей длине.

А в комнате мои книги.

Их у меня четыреста двенадцать. Я знаю, потому что каждую записывала. Смешно, да? Взрослая женщина ведёт список своих книг. Но у меня больше ничего не было своего, и я вела.

Теперь они лежат на полу. Все. Взрезанные по корешкам, распотрошённые, как рыба. Страницы вырваны из середины, форзацы отклеены. Кто-то шёл по моей библиотеке методично, книга за книгой, четыреста двенадцать раз запуская нож под переплёт.

Я опускаюсь на колени среди них.

Поднимаю одну. Пушкин, тридцатого года издания, я нашла его на развале за двести рублей и вымыла ему страницы своими руками, страницу за страницей, три вечера. Переплёт разрезан пополам.

— Мира, — говорит Дамиан от двери.

— Секунду.

Я собираю страницы. Складываю их по номерам. Пальцы двигаются сами, привычно, потому что это моя работа, я умею это делать, я всю жизнь это делаю, я склеиваю то, что порвали другие.

Восемь. Девять. Двенадцатой не хватает.

И вот тогда меня накрывает.

Не в переулке. Не когда меня несли по крышам. Не когда мужчина обратился волком в двух шагах от моего лица.

А здесь, на полу моей комнаты, над разрезанным Пушкиным, из которого пропала двенадцатая страница.

Я плачу. Некрасиво, взахлёб, зажимая рот ладонью, потому чтостыдно плакать при них. Плечи трясутся. Я сижу на полу в разгромленной квартире, и до меня наконец доходит простая вещь.

У меня больше нет дома.

Не «квартиру разгромили, надо сделать ремонт». Нет дома. Кто-то знает, где я живу. Кто-то был здесь, ходил по моему коридору, трогал мою посуду, вспорол диван, на котором я спала. И этот кто-то не человек.

Двадцать семь лет жизни, и всё, что в ней было моего, уместилось в четыреста двенадцать книг и просроченный абонемент в бассейн.

Теперь и этого нет.

Рядом опускается тяжёлое тело. Кайр садится прямо на пол, вплотную, но не касаясь, и от него идёт такое тепло, что мне хочется прижаться, как к печке.

— Плачь, — говорит он. — Не держи.

— Я не хочу при вас.

— А ты не при нас. Ты у себя дома.

И от этой фразы, глупой, неправильной, ведь дома-то уже нет, я начинаю рыдать по-настоящему.

Он не обнимает. Он просто сидит рядом, огромный и горячий, и его колено касается моего колена, и почему-то этого хватает, чтобы не рассыпаться.

Дамиан стоит в дверях. Молчит. Потом уходит вглубь квартиры, и я слышу, как он ходит по кухне, что-то поднимает, ставит.

Он возвращается через минуту.

В его руках моя чашка. Единственная целая, с отбитым краем, синяя, из которой я пила восемь лет.

— Она стояла в раковине, — говорит он. — Поэтому её не тронули.

Он ставит её на подоконник. Как флаг.

Они дают мне двадцать минут.

Я собираю сумку. Документы из вспоротой папки, заряд-

ку, ноутбук, свитер, зубную щётку, фотографию бабушки в рамке без стекла. Складываю в сумку и понимаю, что вся моя жизнь весит семь килограммов.

Кайр стоит на балконе и что-то говорит по телефону, коротко, рублеными фразами.

Дамиан ходит по квартире.

Он ходит странно. Останавливается, наклоняет голову, втягивает воздух. Приседает у плинтуса. Проводит пальцем по стене и смотрит на палец.

— Их было четверо, — говорит он наконец. — Двое наших. Двое ваших, волк.

Кайр появляется в проёме мгновенно.

— Что?

— Здесь смешанный запах. Мёртвая кровь и псина. Работали вместе.

— Это невозможно, — медленно произносит Кайр. — Вампир и оборотень не пойдут на дело вдвоём. Ни за какие деньги.

— И тем не менее. — Дамиан выпрямляется. — Более того. Они пришли сюда до переулка.

Я поднимаю голову.

— Что значит до?

— Замок вывернут около десяти вечера. Внизу на щитке сбит счётчик, у консьержки в подъезде срезана камера, — он смотрит на меня спокойно, и от этого спокойствия мне холодно. — Мира. Тебя искали не потому, что ты наша ис-

тинная. Мы сами узнали об этом в четверть двенадцатого. А в твою квартиру вошли раньше.

Я стою с сумкой в руках.

— Значит, — говорю я медленно, — им нужна была не я.

— Им нужен реставратор, — говорит Дамиан. — Женщина, которая читает то, что нельзя прочесть. Расскажи мне про дневник. Всё. С самого начала.

И я рассказываю.

Свёрток в стене особняка на Каменной набережной. Тетрадь в тёмной коже, почти двести лет. Неизвестный заказчик через посредника, фирма с пустым названием, деньги вперёд, много денег. Вопросы через Аркадия Петровича: сколько страниц восстановлено, есть ли упоминание символа двух лун.

Строка, которая повторяется трижды.

Когда кровь встретит луну вновь, война закончится.

И имя.

— Элиана, — говорю я.

В квартире становится очень тихо.

Кайр упирается рукой в стену, и штукатурка тихо трещит под его пальцами.

— Скажи, что ты шутишь, — говорит он.

— Где дневник? — спрашивает Дамиан. Голос ровный, но я вижу, как побелели его костяшки.

— В сейфе. В мастерской.

— Не в фонде, — быстро говорит он. — В личном?

— В моём. В мастерской, ключ только у меня и у Аркадия Петровича.

Дамиан достаёт телефон и выходит на лестницу.

Я остаюсь одна с Кайром среди своих мёртвых книг.

— Кто такая Элиана? — спрашиваю я.

Он долго молчит.

— Женщина, которую убили триста лет назад, — говорит он наконец. — Из-за которой всё началось.

Дом, куда меня привозят, стоит на границе.

Так они говорят. Я вижу только большой старый особняк за глухим забором, флигель, заросший сад, ржавые ворота с чугунным узором. Кирпич потемневший, окна высокие. Ни город, ни лес.

— Нейтральная земля, — говорит Кайр, отпирая дверь. — Тут раньше подписывали перемирия.

— И как, помогало?

— Ни разу.

Внутри пахнет пылью и старым деревом. Дамиан присылает людей ещё до нашего приезда, потому что в доме горит свет, натоплено, в спальне на втором этаже застелена постель, а на столике стоит поднос. Чай. Бутерброды. Таблетки от головной боли.

Мой чай. Тот самый, с чабрецом, который я пью годами. Такой не купишь в супермаркете за углом, я вожу его из одной лавки на Пятой линии.

Я смотрю на жёлтую жестяную банку и чувствую, как у

меня горит лицо.

— Откуда, — говорю я.

— Я запомнил его в твоей кухне, — говорит Дамиан, снимая пальто. — Банка была разбита. Я послал человека.

— В четыре утра.

— Лавка открылась специально.

Я не знаю, что на это ответить. Виталик за три года не запомнил, что я не ем сладкий творог.

Ночь.

Я лежу в чужой кровати, в чужой футболке, которую мне дали, и не могу уснуть.

Дом дышит. Скрипят половицы, ветер трогает ветки в саду, где-то далеко идёт электричка. Я лежу на спине и смотрю в лепной потолок, и слышу, как внизу ходит Дамиан. Ровные, редкие шаги. Он не спит. Он вообще, наверное, не спит по ночам.

А Кайр сидит под моей дверью.

Я знаю, потому что слышала, как он приволок туда кресло полтора часа назад, тяжело, с грохотом, и как сел, и как вздохнул.

Я не выдерживаю.

Встаю. Открываю дверь.

Он сидит в кресле, вытянув ноги через весь коридор, всё ещё без футболки, потому что его вещи остались в лохмотьях после превращения. Голова откинута назад. Глаза открыты. В темноте его янтарь светится тускло, как угли.

— Не спишь, — говорит он.

— Ты дышишь так, что дом трясётся.

Он усмехается.

Я стою в проёме, в чужой футболке до середины бедра, и до меня медленно доходит, как я выгляжу. Босая. С распущенными волосами. С голыми ногами.

Его взгляд опускается вниз. Один раз. Быстро. И он тут же поднимает глаза к моему лицу, но я уже видела, и по мне уже прошёл жар.

— Иди спать, Мира.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я закрываю глаза и вижу свои книги.

Он молча встаёт.

И это страшно, потому что, когда он встаёт, он занимает весь коридор. Плечи, грудь, тень, которая накрывает меня целиком. Я делаю шаг назад, упираюсь спиной в дверной наличник, и он подходит близко. Очень близко. Не касаясь. Между нами сантиметров десять, и в эти десять сантиметров помещается всё моё дыхание.

От него идёт волна тепла. Запах хвои, разогретого металла, чистой мужской кожи. Я вдыхаю, и это как выпить рюмку на голодный желудок.

— Дай руку, — говорит он.

— Зачем?

— Дай.

Я даю.

Он берёт моё запястье. Осторожно, двумя пальцами, будто может сломать, и, наверное, действительно может. Его ладонь горячая, как утюг. Он поворачивает мою руку внутренней стороной вверх и прижимает большой палец к жилке под кожей.

К пульсу.

— Слушай, — говорит он.

Я стою и слушаю.

Сначала ничего. Потом я чувствую своё сердце под его пальцем. Быстрое, испуганное, глупое. А потом он делает вдох, глубокий, медленный, и мой пульс… подстраивается.

Замедляется. Выравнивается. Ложится под его дыхание, как под ладонь.

— Вот так, — низко говорит он. — Дыши со мной. Вдох. Держи. Выдох.

Я дышу.

И это не должно быть эротичным. Он просто держит меня за руку. Он даже не двигается.

Но по мне идёт волна такая, что подгибаются пальцы на ногах. Тяжелеет грудь под тонкой футболкой, и я чувствую, как отзывается тело, все его тайные, спрятанные места, о которых я и себе-то не признавалась. Внизу живота собирается горячее и тянущее. Кожа на запястье под его пальцем горит так, будто он держит меня не за руку.

Я поднимаю глаза.

Он смотрит на мой рот.

И его дыхание сбивается тоже. Я вижу, как поднимается его грудь, как двигаются мышцы на животе, как он сжимает свободную руку в кулак у бедра.

— Мира, — говорит он хрипло.

— Да.

— Я хочу поцеловать тебя.

Мир останавливается.

Я должна сказать «нет». Я должна отступить, закрыть дверь, лечь спать. Я знаю его семь часов. Он не человек. Он превращается в зверя, у него в шкафу нет ни одной причины мне доверять.

А я хочу этого так, что во рту пересохло.

И тут я слышу свой пульс.

Он больше не тихий. Он грохочет в ушах, в горле, в кончиках пальцев, и он невозможно, неприлично громкий.

— Ваш пульс, — доносится снизу.

Голос Дамиана.

Ровный, спокойный, из холла, с расстояния метров в двадцать, через два лестничных марша и закрытую дверь.

— Ваш пульс, Мира, — повторяет он, и в этом «ваш» столько всего, что я вспыхиваю от корней волос до пяток. — Сто тридцать шесть. Волк, отойди от неё. Она напугана, у неё был худший день в жизни, и она сейчас согласится на что угодно, только чтобы не остаться одной. Утром она будет себя за это ненавидеть.

Тишина.

Кайр очень медленно отпускает моё запястье.

— Я знаю, — говорит он в темноту.

— Тогда веди себя как альфа, а не как щенок.

— Заткнись, пиявка.

Но он отступает.

И это хуже всего. Потому что он прав. Потому что Дамиан прав. Потому что я стою в коридоре чужого дома, дрожащая, с пылающим лицом, и понимаю, что оба они меня видят насквозь, а я себя нет.

— Иди спать, — говорит Кайр. — Я здесь. Всю ночь.

Я захожу в комнату и закрываю дверь.

И только тогда осознаю, что за все семь часов ни один из них не сделал ничего, чего я не разрешила.

Ни один.

Умываюсь в половине четвёртого.

Иду в ванную комнату в конце коридора, включаю воду, брызгаю в лицо. Ледяная. Хорошо. Может, смою с себя эту ночь.

Выпрямляюсь. Тянусь за полотенцем.

Поднимаю глаза.

Зеркало запотело от горячей воды в кране, и на мутном стекле проступают буквы.

Кто-то написал их изнутри. Заранее. По сухому стеклу, чтобы проявилось от пара.

Крупные, жирные, чуть смазанные, тёмно-красные буквы.

СВЯЗУЮЩАЯ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ. КАК ПРЕДЫДУЩАЯ.

Полотенце падает на пол.

На краю раковины лежит открытая помада. Моя. Из моей сумки. Из моей разгромленной квартиры.

Тон называется «Спелая вишня».

Я купила её три года назад и ни разу не носила, потому что Виталик сказал, что в красном я похожа на дешёвку.

Я стою и смотрю на своё отражение сквозь чужие буквы.

А потом слышу, как внизу, в холле, Дамиан очень тихо говорит:

— Волк. Наверх. Немедленно.

ГЛАВА 6. ВЫБОР, КОТОРОГО НЕ БУДЕТ

Утро приходит серым.

Я сижу на подоконнике в старом особняке и смотрю, как за окном встаёт октябрьское солнце. Бледное, усталое, похожее на человека, который плохо спал. Я его понимаю.

На запястье под рукавом свитера завязана тонкая повязка. Не от раны. Ночью, после надписи на зеркале, Дамиан перемотал мне запястье шёлковым шнуром, тихо, не объясняя. Кайр стоял в дверях ванной, смотрел и молчал. Я не спрашивала.

Шнур мягкий. Тёплый. Или мне кажется.

Снизу слышны голоса. Чужие, незнакомые, несколько. Потом шаги Дамиана, ровные, как всегда. Потом голос Кайра, короткий, злой, похожий на удар кулака об стол.

Я иду вниз.

В большой гостиной особняка стоят двенадцать человек.

Нет. Не человек.

Шестеро с одной стороны камина. Бледные, в тёмных костюмах, неподвижные, как статуи. Только глаза живые, холодные, они двигаются все разом, когда я вхожу, как двенадцать пар фотоэлементов.

Шестеро с другой. Крупные, тёмные, один в кожанке, двое

в рабочих куртках, трое в том, во что одеваются мужчины, которым не нужно производить впечатление. Они не бледные. Они красные, горячие, от них идёт злость, как тепло от батареи.

Дамиан стоит у окна. Руки сложены за спиной. Лицо без выражения.

Кайр стоит у противоположной стены. Руки в карманах. Желваки ходят.

Я оказываюсь посередине.

— Она проснулась, — говорит один из бледных. Старший, судя по тому, как остальные пятеро на него смотрят. Высокий, с седыми висками, с голосом, который привык, что его слушают. — Хорошо. Тогда сразу к делу.

— Мира, — говорит Дамиан, и в его голосе на долю секунды появляется что-то, что не слышат остальные. Я слышу. — Это совет рода Вейр. Они приехали…

— Мы сами скажем, зачем приехали, — перебивает старший.

Дамиан не двигается. Но я вижу, как бледнеют его пальцы за спиной.

— Слушаю, — говорю я.

Они говорят по очереди.

Вампиры первыми.

Ситуация, объясняет седой с видом человека, разъясняющего правила обращения с ценным экспонатом, вышла из-под контроля. Истинная связь, которая не случалась триста

лет. Наследник рода и его кровная пара. Дальнейшее промедление угрожает положению рода Вейр среди других семей. Поэтому решение простое.

Мира переходит под защиту рода.

Живёт в доме Вейров.

Проходит положенные ритуалы признания.

Связь оформляется официально, как кровная пара наследника.

— И волк, — добавляет седой, мельком глянув на Кайра, — разумеется, теряет все претензии. Закон один для всех. Первый узнал, первый предъявил права.

— Я узнал в то же мгновение, что он, — говорит Кайр сквозь зубы.

— Значит, оба опоздали, — пожимает плечами седой.

Один из людей в кожанке делает шаг вперёд. Они не такие холодные, как вампиры. Они горячее и злее.

— Альфа первым назвал истинную, — говорит он. — Закон стаи старше любого вашего закона, пиявки. Она уходит с нами.

— Через чей труп? — ласково осведомляется один из бледных.

— Уточни, и я покажу.

— Тихо, — говорит Кайр, и оба замолкают.

Он смотрит на меня. И в янтаре его глаз столько всего, что я отвожу взгляд. Боль. Злость. Что-то ещё, от чего у меня горит лицо.

— Мира, — говорит он. — Выбор за тобой.

— Именно, — подхватывает седой. — Выбор за ней. Она выбирает один из путей. Или остаётся с нами и живёт под защитой рода. Или уходит со стаей и живёт среди волков. Любой третий вариант…

Он делает паузу.

— Любой третий вариант означает, что ни одна из сторон не обеспечивает ей защиту. И тогда те, кто написал сегодня ночью на её зеркале, найдут её в течение недели. Орден не шутит, девочка. Последняя такая, как ты, не пережила следующего полнолуния.

Тишина.

В камине трещат поленья.

— Или умри, — говорю я. — Это ведь то, что вы говорите? Выбери одного, или умри.

— Мы говорим: выбери, чтобы выжить, — мягко поправляет седой.

— Какая разница.

Я стою посреди гостиной. На меня смотрят двенадцать пар глаз, и все они ждут одного. Одного слова. Одного поворота головы. Одного шага направо или налево.

И я понимаю, что это уже было.

Не здесь. Не с ними. Но было.

Каждый раз, когда Виталик смотрел на меня с той терпеливой, усталой улыбкой и ждал, что я соглашусь. На тихий вечер вместо вечеринки с подругами. На скромное платье

вместо красного. На молчание вместо слов. Я всегда выбирала, что ему удобнее. Называла это любовью. Называла это мудростью. Называла это взрослостью.

Это было трусостью.

И сейчас мне снова предлагают выбрать. Одного из двух. Один из двух вариантов. Один из двух миров, которые заявляют права на мою жизнь и удивляются, почему я не тороплюсь.

— Нет, — говорю я.

Седой вампир поднимает бровь.

— Нет? Девочка, ты понимаешь, что…

— Меня зовут Мира, — говорю я. — Мира Соколова. И нет.

— Ты отказываешься от защиты?

— Я отказываюсь выбирать по вашим правилам.

Кто-то из стаи переступает с ноги на ногу. Один из бледных делает шаг вперёд, и я вижу, как Дамиан у окна едва заметно повёртывает ладонь. Остановись. Бледный останавливается.

— Позволь объяснить тебе, — начинает седой, и голос его становится ниже, тяжелее, он давит, как рука на плечо. — Ты думаешь, что это вопрос чувств. Молодость. Понимаю. Но это политика, девочка. Это баланс двух сил, которому триста лет. Ты один человек. Твои желания…

— Мои желания имеют значение!

Это вырывается громче, чем я хотела.

Гостиная замирает.

Я слышу свой голос. Дрожащий, злой, слишком громкий для этих высоких потолков. И я не убираю его обратно.

— Мои желания имеют значение, — повторяю я тише, но твёрдо. — Я не земля, которую делят. Я не союзный договор. Я не пешка, которую переставляют, чтобы сохранить баланс. Вы приходите сюда и говорите: выбери одного, потому что нам так удобнее. Потому что ваши законы так написаны. Потому что триста лет было именно так. Но триста лет назад последнюю такую, как я, убили. Вашими же руками. Обе стороны. И вы стоите передо мной и предлагаете ту же сделку?

Тишина другого качества. Неловкая.

— Мира, — говорит Кайр.

— Нет, — я не смотрю на него, смотрю на седого. — Как вы смеете решать за меня? Кто из вас хоть раз спросил, чего хочу я? Не что удобно совету. Не что соответствует закону. Я. Что хочу я, как человек, которого это касается больше, чем всех вас вместе взятых?

Седой смотрит на меня долго.

— Ты молода, — говорит он наконец. — И смела. Это можно уважать. Но смелость без мудрости убивает быстрее любого Ордена.

— Тогда буду учиться на ходу.

— Твоя жизнь зависит…

— Моя жизнь принадлежит мне!

Они уходят не сразу.

Ещё полчаса переговоров, в которых я не участвую, потому что Дамиан молча встаёт передо мной, спиной, и Кайр встаёт рядом, и двенадцать человек смотрят на это молча.

Потом они уходят.

Машины за воротами, ворота закрываются, и гостиная становится пустой.

Я опускаюсь на диван.

Руки трясутся. Теперь, когда они ушли, руки трясутся так, что я прячу их между коленями и сижу, и дышу.

— Ты знаешь, что сделала? — тихо спрашивает Дамиан.

— Да.

— Оба совета теперь считают тебя угрозой.

— Я знаю.

— Орден удвоит усилия.

— Я понимаю.

Он молчит.

— Хорошо, — говорит он наконец.

Кайр опускается рядом. Не близко, не касаясь, просто рядом. Его тепло доходит до меня через воздух.

— Ты сказала им нет, — говорит он.

— Да.

— Они не привыкли к этому слову.

— Мне всё равно.

Он молчит минуту. Потом тихо:

— Мне нравится это в тебе.

И от этой фразы, простой, негромкой, у меня горит что-то

внутри. Не в груди. Ниже. В том месте, которое я приучила молчать, а оно не молчит, оно отзывается на его близость каждый раз, как он открывает рот.

Я встаю.

— Мне нужно подумать, — говорю я. — Одной. Пожалуйста.

Они позволяют мне уйти.

День я провожу в библиотеке особняка.

Здесь книги старые, настоящие, в кожаных переплётах, их никто не резал ножом. Я сижу у окна и смотрю в сад и думаю.

Думаю о том, что сказала им. Как вы смеете решать за меня. Три года я молчала, когда один мужчина решал за меня, что мне носить и чего хотеть. А сегодня сказала «нет» двенадцати нелюдям, которые могли меня убить.

И мне было не страшно.

Страшно было раньше. В переулке, на крышах, перед волком и клыками. А перед советами страха не было. Только злость, горячая и чистая, как огонь.

Интересно.

Интересно также то, что я не хочу выбирать. Не потому, что не могу. А потому что не хочу. Потому что когда Кайр смотрит на меня от камина, у меня темнеет в глазах. А когда Дамиан говорит моё имя, у меня перехватывает горло.

Два разных огня.

Один жжёт снаружи, другой изнутри.

И я не готова тушить ни один.

Ночью я не сплю опять.

Это становится традицией. Лежу в темноте, слушаю, как дышит старый дом, слушаю шаги Дамиана внизу и тишину за дверью, где сидит Кайр. Они охраняют меня от мира. А кто охраняет меня от них?

Никто.

И от самой себя тоже никто.

Около двух ночи что-то меняется.

Я чувствую это раньше, чем понимаю. Как меняется давление перед грозой, как кожа реагирует на что-то, чего ещё не видят глаза. Покалывание. То самое, которое я чувствовала над дневником, над строчкой об Элиане. Только сейчас оно не в пальцах.

Оно в запястье.

Под шёлковым шнуром.

Я поднимаю руку. В темноте ничего не видно. Я откидываю одеяло, встаю, иду к окну, где в щели между шторами проходит уличный фонарь.

Снимаю шнур.

И задерживаю дыхание.

Запястье светится.

Не так, как светится телефон или экран. Не холодным синим. Горячим, живым, красно-золотым, как угли под пеплом, когда в них дуют и они оживают. Свет идёт из-под кожи, из самой крови, пульсирует в такт сердцу, и рисунок его странный, незнакомый. Не татуировка. Не ожог.

Метка.

Она разрастается медленно, пока я смотрю, заходит от запястья к ладони, поднимается по внутренней стороне предплечья. Тонкие линии, похожие на ветви или на реки с высоты птичьего полёта. Красное переходит в золотое на изгибах.

Красиво.

Страшно красиво.

— Дамиан, — говорю я шёпотом.

Дверь открывается раньше, чем я заканчиваю слово.

Они оба входят одновременно. Не сговариваясь. Просто входят, один с одной стороны, другой с другой, и оба видят это сразу.

Кайр делает шаг вперёд. Замирает.

— Невозможно, — говорит он.

Дамиан не двигается совсем. Он стоит у двери и смотрит на моё запястье, и лицо у него такое, каким оно никогда не было за все эти сутки. Открытое. Потрясённое.

— Это метка Связующей, — говорит он тихо. — Её описывали в архивах. Красно-золотая, двойная. Её не видели триста лет.

— С тех пор, как убили Элиану, — говорит Кайр. Голос хриплый. — Мира…

— Я знаю.

— Ты не понимаешь. Если Орден узнает…

— Они уже знают, — говорю я. — Они написали на зеркале. Связующая должна умереть. Они уже знали.

Тишина.

Свет на моём запястье пульсирует. Ровно. Терпеливо. Как сердце, которое всю жизнь ждало, когда его наконец увидят.

Кайр смотрит на меня. Дамиан смотрит на меня.

И я понимаю, что с этой ночи мир изменился так, что обратной дороги нет.

Совсем.

ГЛАВА 7. НЕЙТРАЛЬНЫЙ ДОМ#
ГЛАВА 7. НЕЙТРАЛЬНЫЙ ДОМ

Жизнь с двумя нелюдями начинается с запаха горелого лука.

Я слышу это ещё на лестнице. Густое, карамельное, с горькой ноткой подпалины, оно плывёт из кухни, огибает угол и встречает меня на пороге. За ним следует звук. Металлический, дробный, похожий на то, как роняют инструменты в мастерской.

Потом голос Кайра:

— Живая, живая, всё нормально.

Я захожу на кухню.

Кайр стоит у плиты в фартуке. Фартук льняной, старый, с вышитыми гусями по краю, явно принадлежал кому-то из прошлых обитателей нейтрального дома. На двухметровом альфе с плечами вышибалы он выглядит так, словно гусей приколотили к стене гвоздями. На сковороде шкворчит нечто тёмное. Рядом на столе лежат лук, нарезанный неровными кусками, яйца, пакет с гречкой, открытая банка тушёнки и пучок укропа с явными следами насилия.

— Завтрак, — сообщает Кайр, не оборачиваясь. — Садись.

— Что это?

— Гречка с яйцом и тушёнкой. Стандарт.

— Почему она чёрная?

— Это не чёрная. Это поджаристая. Садись.

Я сажусь.

Дамиан уже за столом. Сидит прямо, руки сложены перед собой, перед ним пустая столешница. Он смотрит на происходящее у плиты с выражением человека, вынужденного присутствовать на средневековой казни.

— Ты не ешь, — говорю я.

— Нет.

— Совсем?

— Кровь, — говорит он просто. — Человеческая пища для меня декорация.

— И ты просто будешь сидеть?

— Я буду составлять вам компанию, — он смотрит на меня. — Мне нравится, как ты пьёшь чай.

Я открываю рот. Закрываю. Это, видимо, должно было звучать нейтрально.

Получилось не нейтрально.

Сковорода на плите издаёт угрожающий звук, и Кайр снимает её с огня резким движением. Смотрит внутрь. Чуть прикрывает глаза.

— Ешьте, — говорит он. — Горячее.

Гречка поджаристая снаружи и недоварена внутри.

Тушёнка хорошая. Лук мягкий. Яйцо разбито прямо в сковороду и размешано там же, так что непонятно, где оно

и где всё остальное.

Я ем.

Кайр смотрит на меня так, как смотрят на дипломатическую комиссию, от решения которой зависит судьба страны.

— Нормально? — спрашивает он.

— Да.

— Точно?

— Кайр. Я ем.

Он откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. Фартук с гусями при этом натягивается так, что один гусь расплющивается в нечто неузнаваемое. Я смотрю на это, и что-то тёплое, неловкое поднимается у меня изнутри. Что-то такое, что я давно не чувствовала.

Желание смеяться.

Я давлю его в себе. Жую гречку.

— Ты умеешь готовить? — спрашивает меня Дамиан.

— Немного.

— Больше, чем он?

— Дамиан, — предупреждающе говорит Кайр.

— Это медицинский факт, а не оскорбление. В прошлый раз ты поджёг яичницу. Яичница не горит в природных условиях.

— Я отвлёкся.

— На что?

— На тебя. Ты стоял у окна и смотрел на меня так, будто я убиваю котёнка.

— Я смотрел на процесс. С профессиональным интересом.

— У тебя нет профессионального интереса к готовке.

— У меня есть профессиональный интерес к катастрофам.

Я не успеваю. Смех вырывается раньше, чем я его перехватываю. Короткий, непривычный, горячий. Я зажимаю рот ладонью. Поздно.

Оба смотрят на меня.

Кайр медленно начинает улыбаться. Широко, от уха до уха, по-мальчишески.

Дамиан не улыбается. Он смотрит на меня тихо, внимательно, и в серебряных глазах что-то мерцает, как огонь под слоем пепла.

— Вот как ты смеёшься, — говорит он.

И это «вот как» звучит так, будто он нашёл что-то, что давно искал.

Смех обрывается у меня в горле.

Я опускаю глаза в тарелку.

Я не имею права привыкать к этому. К утреннему смеху над горелой гречкой. К тому, как один из них помнит мой чай, а второй надевает гусиный фартук. К тому, как хорошо мне между ними, тепло с одной стороны, холод с другой, и этот странный баланс, в котором я неожиданно чувствую себя целой.

Я не имею права.

Они чудовища. Один пьёт кровь. Другой ломает кости в волка при полном свете. За нами охотится кто-то, убивший женщину триста лет назад за то, что она была такой, как я.

Это не семья. Это укрытие. Временное.

Я доедаю гречку. Молчу.

День выстраивается сам собой.

Дамиан уходит в библиотеку особняка и закрывает дверь. Звонки, которые я не слышу, письма, которые я не вижу. Работа, о которой не говорят вслух.

Кайр исчезает в сад и возвращается через час с охапкой дров, мокрый от осеннего дождя, в налипших листьях. Кидает дрова у камина, стряхивает листья с волос прямо на пол.

— Есть чем заняться? — спрашивает он меня.

— Нет.

— Книги в библиотеке.

— Я видела. Там только вампирское право восемнадцатого века и что-то про геральдику.

— Тогда учись играть в шахматы.

— Я умею.

Он смотрит на меня с новым интересом.

— Играешь?

— Плохо.

— Я хуже.

Мы играем три партии. Первую выигрываю я, потому что Кайр ходит конями в разные стороны и явно не понимает, почему так нельзя. Вторую выигрывает он, потому что

неожиданно начинает ходить правильно и съедает у меня всё, что плохо лежит. Третья заканчивается ничьей, потому что Дамиан выходит из библиотеки, смотрит на доску и говорит:

— Мира, у тебя открытый ферзь.

— Я вижу.

— Кайр, ты зеваешь слона.

— Не зеваю.

— Третья горизонталь.

Пауза.

— Чёрт, — говорит Кайр.

— Именно.

Дамиан садится в кресло с книгой, и с этого момента игра превращается в консультацию с его стороны и попытки обоих его игнорировать. К четвёртой партии он подвигает кресло ближе. К пятой уже молча переставляет фигуры за нас обоих.

— Это другая игра, — говорю я.

— Это правильная игра.

— Мы сами, — говорит Кайр.

— Вы проигрываете друг другу.

— Ну и что?

— Что за смысл в проигрыше?

— Иногда проигрыш это и есть смысл, — говорю я. — Иногда важнее сыграть самой, чем выиграть чужими руками.

Дамиан смотрит на меня. Долго.

— Ты имеешь в виду не шахматы, — говорит он.

— Я имею в виду шахматы.

Но мы оба знаем, что нет.

Вечером он приносит коробку.

Большая, картонная, перемотанная скотчем, и Дамиан ставит её передо мной на столе без предисловий.

— Открой.

Я разрезаю скотч ногтем. Откидываю крышку.

Книги.

Мои книги.

Не все. Те, которые можно было спасти. Склеенные, вычищенные, переплёт некоторых перетянут новой лентой. Не идеально, далеко не идеально, я сама сделала бы чище. Но они живые. Они здесь.

Сверху лежит Пушкин тридцатого года. Корешок заклеен, страницы выровнены. Двенадцатой всё равно нет.

Я провожу пальцами по переплёту.

— Ты знаешь реставрацию, — говорю я.

— Я нанял реставратора. Ночью, срочно, за неприличные деньги. Он очень хотел спать.

— Двенадцатой страницы нет.

— Знаю. Её унесли. Мои люди ищут.

Я сижу и держу книгу и понимаю, что у меня щиплет глаза. Я не плачу. Просто щиплет. Это совсем разные вещи.

— Зачем, — говорю я.

Он молчит.

— Это не было нужно для безопасности, — говорю я. — Не для охраны или переговоров. Просто книги.

— Ты плакала из-за них.

— Ты не обязан.

— Знаю, — говорит он. — Именно поэтому я это сделал.

И уходит обратно в библиотеку, прежде чем я успеваю что-нибудь ответить.

Я сижу с Пушкиным в руках. Кайр входит, смотрит на коробку, смотрит на моё лицо. Молча садится рядом. Не спрашивает ничего. Просто плечо к плечу, горячее и надёжное.

Я не имею права привыкать.

Но привыкаю.

Северин приезжает после ужина.

Я слышу машину во дворе. Потом голоса внизу, приглушённые, мужские. Потом шаги на лестнице, лёгкие, почти бесшумные, вампирские.

Он входит в гостиную, и я понимаю, что он не похож на тех шестерых с холодными глазами из утреннего совета.

Северин Вейр лет пятидесяти на вид, не старше. Темноволосый, с серебром на висках, в пальто тёплого серого цвета. Лицо открытое, чуть усталое. Глаза не холодные. Умные, внимательные, слегка печальные.

Он похож на профессора истории. На того, у которого интересно на лекциях.

— Мира, — говорит он, и это первый вампир за двое суток, который произносит моё имя правильно, без паузы, буд-

то знал его давно. — Я Северин. Дядя Дамиана. Рад, что ты в безопасности.

Кайр у камина смотрит на него без теплоты, но без открытой враждебности. Для них двоих это, наверное, дружеское рукопожатие.

Дамиан ставит ему кресло.

— Ты приехал не только поздороваться, — говорит он.

— Нет. Совет шумит, Дамиан. После утреннего отказа. Они считают это личным оскорблением.

— Пусть считают.

— Они могут перекрыть финансирование охраны.

— Тогда я найду другую охрану.

Северин кивает. Не спорит. Берёт чай, который я налила и который никто не просил, и держит чашку в ладонях, согревая пальцы. Жест живой, человеческий. Странный для вампира.

— Ты умная девушка, Мира, — говорит он мне, и в голосе ни капли снисхождения. — И смелая. Утром ты сказала им то, что они не слышали триста лет. Я рад, что кто-то наконец сказал.

— Вы не согласны с советом?

— Я редко с ним согласен. Но я умею это скрывать. А ты, похоже, нет.

Он усмехается. Я тоже невольно усмехаюсь в ответ.

Северин разговаривает со мной легко. Спрашивает про дневник, про реставрацию, про Элиану, но аккуратно, без

давления. Слушает по-настоящему, не так, как слушают, пока ждут своей очереди говорить.

Он приятный.

Слишком приятный для мира, в котором я очутилась.

Это первое, что я думаю. Потом одёргиваю себя. Параноя. Не все в этом мире чудовища.

Кайр провожает его до машины. Они о чём-то говорят во дворе, слов не слышно. Дамиан остаётся со мной и смотрит в огонь.

— Он добрый, — говорю я.

— Да, — говорит Дамиан.

— Ты ему доверяешь?

Пауза. Чуть длиннее, чем нужна для ответа «да».

— Он мой дядя.

— Это не ответ.

Дамиан смотрит на меня. В серебряных глазах что-то движется. Что-то, чему он не даёт выйти наружу.

— Нет, — говорит он наконец. — Это не ответ.

И замолкает.

Северин уезжает около полуночи.

Я помогаю убрать чашки и уже иду к лестнице, когда слышу:

— Мира.

Его голос из прихожей. Я оборачиваюсь. Северин стоит у открытой двери, в пальто, в одной руке перчатки. Лицо у него такое же приятное. Такое же открытое.

И именно поэтому то, что он говорит дальше, звучит особенно тихо.

— Я хочу сказать тебе кое-что. Без мальчиков.

Я подхожу ближе.

— Элиана, — говорит он. — Ты читала дневник. Ты знаешь, что с ней случилось.

— Убили, — говорю я. — Оба совета.

— Да. Но ты знаешь, как именно это произошло? — он смотрит на меня ровно, и что-то в этом взгляде не даёт мне отвести глаза. — Её не убили враги, Мира. Не те, кто ненавидел её открыто. Её убил тот, кому она доверяла больше всех. Кто сидел рядом с ней так же, как Дамиан сидит рядом с тобой. Кто приносил ей чай. Кто возвращал её книги.

Молчание.

За моей спиной, в глубине дома, трещит камин.

— Я говорю это не чтобы напугать тебя, — продолжает Северин, и голос у него мягкий, почти сочувствующий. — Я говорю, потому что хочу, чтобы ты жила. Будь осторожна с теми, кто слишком хорошо знает, чего ты хочешь. Слишком быстро это узнал.

Он надевает перчатки. Улыбается последний раз. Добро, устало.

И уходит в ночь.

Я стою в прихожей и слушаю, как удаляется его машина.

Потом медленно возвращаюсь в гостиную.

Дамиан сидит у камина. Смотрит в огонь. Рядом на столе

жёлтая жестяная банка с чабрецом. Та самая, с Пятой линии.

Он поднимает глаза.

— Что сказал тебе Северин?

Я смотрю на него. На его руки. На то, как он сидит, ровно и терпеливо, как сидят те, кто умеет ждать. Двести лет умеет ждать.

— Ничего важного, — говорю я.

И улыбаюсь.

Но улыбка не доходит до глаз.

ГЛАВА 8. ЗВЕРЬ И ГОЛОД

Кайр будит меня на рассвете.

Стучит в дверь костяшками, тихо, чтобы разбудить, но не напугать. Я открываю. Он стоит в коридоре, одетый, в куртке, и глаза у него горят янтарём ярче, чем обычно.

— Идём, — говорит он. — Пока Дамиан спит. Хочу тебе кое-что показать.

— Что?

— Лес.

Мы выходим через заднюю калитку, в мокрый серый рассвет.

Сад за особняком переходит в настоящий лес, старый, сосновый, с папоротником по пояс и тропой, которую видит только Кайр. Он идёт впереди, раздвигая ветки, и с каждым шагом от него что-то отслаивается. Городское. Осторожное. Человеческое.

Земля пахнет прелой хвоей и дождём. Туман стоит между стволами, и в нём тонут звуки, только капли падают с веток и наши шаги.

Мы выходим на поляну. Круглую, поросшую жёсткой травой, с поваленной сосной у края. Небо над ней уже светлеет, серебрится по кромке.

Кайр останавливается посреди поляны и поворачивается ко мне.

— Я хочу тебе показать, — говорит он. — По-настоящему. Не как тогда, в гостиной, чтобы напугать. А так, как есть.

— Показать что?

— Волка.

Он снимает куртку. Кладёт на поваленный ствол, аккуратно, будто это важно. Стягивает футболку через голову. На груди в утреннем свете видны все шрамы, белые, старые.

— Не бойся, — говорит он. — Что бы ты ни увидела. Он это я. Я это он. Он тебя не тронет.

И меняется.

В этот раз я смотрю.

Заставляю себя смотреть, хотя это страшно, хотя хрустят кости и рвётся кожа. Он опускается на четвереньки, спина выгибается, плечи раздаются вширь. Тёмная шерсть проступает волной, от загривка вниз. Лицо вытягивается в морду. И через десять долгих секунд боли посреди поляны стоит зверь.

Огромный тёмный волк. Ростом мне до груди. С янтарными глазами.

Он не двигается. Стоит, опустив голову, и смотрит на меня снизу вверх, и я вижу, как он напряжён. Как ждёт. Он дал мне увидеть его самым уязвимым, самым страшным, и теперь ждёт, что я сделаю.

Убегу.

Закричу.

Отшатнусь.

Я делаю шаг вперёд.

Волк замирает. По шкуре его проходит дрожь.

Ещё шаг. Ещё. Туман обтекает мои щиколотки, трава мокрая, и я иду к зверю, который может перекусить меня пополам, и почему-то мне совсем не страшно.

Я останавливаюсь вплотную. Он выше, чем я думала. От него идёт жар, тот самый, хвоя и разогретый металл, только гуще, звериней. Я поднимаю руку.

Медленно.

И кладу ладонь ему на голову, между ушей.

Шерсть жёсткая сверху и мягкая под ней. Тёплая. Живая. Волк вздрагивает всем телом от моего касания, потом выдыхает, шумно, глубоко, и опускает голову, прижимается лбом к моему животу. Тяжело. Доверчиво. Как прижимается тот, кому никогда не давали прижаться.

Я стою на мокрой поляне и глажу зверя, и у меня щиплет глаза.

— Хороший, — шепчу я. — Хороший мальчик.

Он утыкается сильнее.

Он оборачивается обратно медленно, будто не хочет.

Одевается. Садится на поваленную сосну, и я сажусь рядом, и туман потихоньку тает, и лес просыпается вокруг нас птичьими голосами.

— Волк выбрал тебя сразу, — говорит Кайр, глядя в лес. — В переулке. Как только твоя кровь коснулась воздуха. Он не думал, не взвешивал. Он просто узнал. Моё. И всё.

— А ты?

— А я испугался, — он усмехается невесело. — Знаешь, почему?

Я молчу.

— Меня всю жизнь выбирали за силу, — говорит он. — Я альфа. Самый сильный в стае. Меня уважают, за мной идут, мне подчиняются. Женщины хотят меня, потому что я сильный. Стая держится меня, потому что я сильный. Отец гордился мной, пока я был сильным. — Он смотрит на свои руки, огромные, в старых шрамах. — Меня ни разу в жизни не выбрали слабым, Мира. Больным. Проигравшим. Испуганным. Потому что таким я никому не нужен. Альфа не имеет права быть слабым. Слабого альфу свои же и загрызут.

— И ты испугался, что я тоже, — говорю я. — Выберу за силу.

— Я испугался, что однажды стану слабым. И ты уйдёшь. Как все.

Мы сидим на сосне. Между нами полметра мокрого дерева.

— Меня выбрали удобной, — говорю я тихо. — Три года. Не за силу. За то, что я не мешала. Молчала, соглашалась, была тихой. А когда я захотела быть громкой, меня выбросили. За скуку. — Я смотрю на туман. — Так что я знаю, каково это. Быть нужным только определённым. Только удобным. Только сильным.

Кайр поворачивает ко мне голову.

— Я не хочу быть с тобой сильной, — говорю я. — И удобной. Я хочу просто быть.

Он смотрит на мои губы.

Медленно, чтобы я успела отстраниться, наклоняется. От него идёт жар. Я чувствую его дыхание на своей щеке, на губах, и всё во мне тянется к нему, вверх, навстречу, тело откликается раньше разума, грудь тяжелеет, внизу живота собирается горячее.

Он останавливается в сантиметре.

— Скажи, что хочешь этого, — говорит он хрипло. — Своими словами. Я не сделаю ничего, пока ты не скажешь.

Сантиметр.

Один сантиметр между нами, и в нём всё моё дыхание, весь этот огонь, который я три года давила каблуком.

Я хочу.

Господи, как я хочу.

И именно поэтому я молчу.

Потому что если сейчас скажу, то не из-за себя. Из-за поляны, из-за тумана, из-за волка, положившего голову мне на живот, из-за того, что впервые за годы кто-то спросил, чего хочу я. Я скажу «да» из благодарности. А я больше не хочу говорить «да» из благодарности. Я хочу говорить «да», когда это будет только моё «да». Чистое. Без причин.

Я молчу.

И Кайр отступает.

Он выпрямляется. Медленно, тяжело. И на его лице нет

ни обиды, ни злости, ни разочарования. Только уважение, странное, глубокое, от которого мне почему-то хочется плакать сильнее, чем от любого поцелуя.

— Хорошо, — говорит он. — Тогда я подожду. Столько, сколько нужно.

Властный альфа, привыкший брать, учится спрашивать. И ждать.

И это оказывается горячее любого прикосновения.

Мы возвращаемся к дому, когда солнце уже встало.

Я иду и улыбаюсь про себя, глупо, тайно, прижимая эту улыбку к груди, как что-то украденное. Впервые за очень долгое время мне легко.

Кайр открывает заднюю дверь, пропускает меня, и мы входим в дом, и легкость обрывается сразу.

Что-то не так.

В доме холодно. Не осенним холодом, а тем самым, вампирским, звенящим, только сейчас он неправильный. Рваный. Он не течёт ровно, как обычно течёт вокруг Дамиана. Он бьётся волнами, то накатывает, то отступает.

— Дамиан? — зову я.

Тишина.

Мы проходим в гостиную.

Он на полу.

Дамиан на коленях посреди гостиной, согнувшись, упираясь ладонями в паркет. Безупречный, застёгнутый на все пуговицы Дамиан, который двести лет не терял лица. Его тря-

сёт. Крупно, судорожно, волнами, как трясёт в лихорадке. Голова опущена. Волосы упали на лицо.

— Дамиан!

Я бросаюсь к нему. Кайр перехватывает меня за плечо.

— Стой, — резко говорит он. — Не подходи.

— Что с ним?!

Дамиан поднимает голову.

И я отшатываюсь.

Его лицо изменилось. Кожа натянулась на скулах, побелела до синевы, под глазами залегли чёрные тени. Глаза залиты чернотой от края до края, ни следа серебра. Губы приоткрыты, и за ними видны клыки, полностью выпущенные, длинные, дрожащие.

Но страшнее всего глаза. В них нет Дамиана. В них только голод, слепой, древний, животный.

Он смотрит на меня. На мою шею. На жилку под кожей.

И его трясёт сильнее.

— Уходи, — выдавливает он. Голос чужой, шипящий, надтреснутый. — Мира. Уходи из комнаты. Сейчас же.

— Что с тобой?

— Он не кормился, — тихо говорит Кайр за моей спиной, и в голосе у него нет привычной насмешки. Только что-то похожее на понимание. — С тех пор, как встретил тебя. Сколько, пиявка? Пять суток?

— Шесть, — выдыхает Дамиан, вцепляясь пальцами в паркет так, что трещит лак.

— Почему?! — я оборачиваюсь к Кайру. — Почему он не ел?!

Кайр смотрит на Дамиана. Долго. И отвечает тихо:

— Потому что теперь он чувствует только один вкус. Он же сам сказал в первую ночь. Кровная пара. Вампир перестаёт чувствовать чужую кровь. — Он сглатывает. — Ему больше никто не годится, Мира. Никто, кроме тебя.

Тишина.

Дамиан на полу трясётся, впиваясь ногтями в дерево, и я вижу, каких нечеловеческих усилий ему стоит не сорваться. Не броситься. Он голодает шесть суток, стоя в трёх шагах от единственного, что может его насытить, и молчит. И терпит. И гонит меня из комнаты, чтобы не сделать мне больно.

Он умирает от голода. Рядом со мной. Чтобы не тронуть меня без спроса.

Я делаю шаг к нему.

— Мира, нет, — рычит Кайр.

— Уходи, — шипит Дамиан, и чернота в его глазах дрожит. — Умоляю. Я не удержусь. Ещё немного, и я не удержусь.

Я останавливаюсь.

Сердце колотится. Метка на запястье под рукавом начинает теплеть, медленно, отзываясь на его боль.

И я понимаю, что сейчас снова стою перед выбором, которого никто за меня не сделает.

ГЛАВА 9. ДОБРОВОЛЬНО

Есть вещи, которые понимаешь не головой, а телом.

Я стою в трёх шагах от умирающего Дамиана и понимаю телом: он не встанет.

Шесть суток. Он голодает шесть суток, стоя рядом со мной, спит в комнате через стену, приносит мне чай и книги, играет со мной в шахматы, и всё это время внутри него медленно гаснет огонь. Потому что единственное, что может его напитать, сидит напротив него за завтраком и не знает.

Не знало.

— Кайр, — говорю я, не отрывая глаз от Дамиана. — Что будет, если он не поест?

Кайр молчит. Я оборачиваюсь. Лицо у него тяжёлое.

— Скажи мне правду.

— Он угаснет, — говорит Кайр глухо. — Не сразу. Вампиры не умирают быстро. Он высохнет. Сначала тело. Потом разум. Он станет тварью, которая помнит, что была человеком, и не может вспомнить, как это. — Он смотрит на Дамиана без ненависти, впервые совсем без ненависти. — Это плохая смерть, Мира. Я врагу такой не пожелаю. А он мне не совсем враг.

Дамиан на полу издаёт звук. Низкий, надтреснутый, он давит его в себе, но звук всё равно вырывается, и в нём столько муки, что у меня сжимается всё внутри.

Метка на запястье пульсирует в такт его дрожи.

— Уходи, — снова выговаривает он. — Мира. Прошу. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

И это последнее слово решает всё.

Таким. Он голодает до смерти и стыдится, что я вижу его слабым. Как Кайр в лесу. Как я сама, три года прятавшая свой огонь, чтобы никто не увидел меня настоящей.

Мы все одинаковые. Все прячем то, за что нас могут не выбрать.

— Нет, — говорю я.

Я делаю шаг вперёд.

— Мира! — Кайр перехватывает меня. Его рука на моём плече как железный обруч.

— Отпусти.

— Ты не понимаешь, что делаешь.

— Я понимаю, — говорю я, и голос у меня спокойный, спокойнее, чем внутри. — Он не может кормиться ни от кого, кроме меня. Так? Ему больше не годится ничья кровь. Из-за меня. Из-за моего запаха. Я сделала так, что весь мир стал для него отравой. И теперь смотреть, как он умирает?

Кайр молчит.

— Отпусти, — повторяю я.

Он отпускает.

Я опускаюсь на колени перед Дамианом.

Близко. Так близко, что чувствую исходящий от него холод, рваный, неправильный. Он поднимает голову, и я вижу

в чёрных глазах ужас. Настоящий. Он боится не своей смерти. Он боится себя рядом со мной.

— Что ты делаешь, — шепчет он.

— Тебе нужна кровь, — говорю я. — Возьми мою.

Он отшатывается. Отползает назад, упирается спиной в ножку кресла, и вжимается в неё, отодвигаясь от меня, хотя всё его тело тянется вперёд.

— Нет.

— Дамиан.

— Нет, — он мотает головой, и в голосе прорезается что-то отчаянное. — Ты не понимаешь. Если я начну, я могу не остановиться. Голод в шесть суток. Кровь истинной. Я не пил её ни разу. Я не знаю, смогу ли оторваться. Я могу убить тебя, Мира. Выпить досуха и не заметить.

— Ты остановишься.

— Ты этого не знаешь!

— Знаю, — говорю я.

И понимаю, что правда знаю.

— Ты шесть суток стоял в трёх шагах от того, что тебе нужно, и не тронул. Ты гнал меня из комнаты, умирая, лишь бы не сделать мне больно. Мужчина, который может убить, не убивает и умирает сам, чтобы не причинить вреда. Такой человек остановится.

— Я не человек.

— Мне всё равно.

Он смотрит на меня. Чернота в его глазах дрожит, борется

сама с собой. И я вижу, чего ему стоит это «нет». Каждая секунда этого «нет».

— Почему, — говорит он хрипло. — Почему ты это делаешь. Ты знаешь меня пять дней. Я тебя украл. Я нелюдь. Я пью кровь. Почему?

— Потому что ты спросил разрешения, — говорю я.

Он замирает.

— Всю мою жизнь, — говорю я тихо, — мужчины просто брали. Не спрашивая. Что я буду носить, где буду жить, чего буду хотеть, кем буду. Брали моё время, мои слова, мою тишину. Никто ни разу не спросил. А ты умираешь на полу, но не берёшь без спроса. — Я поднимаю руку и убираю волосы с шеи. — Так вот. Я даю. Сама. Это моё «да», Дамиан. Первое настоящее «да» в моей жизни. Не бери его. Прими.

Тишина.

Огонь трещит в камине.

И что-то ломается в лице Дамиана. Не голод. Что-то другое, глубже, старше голода. Он смотрит на меня так, будто я сказала на языке, который он не слышал двести лет и уже не надеялся услышать.

— Мира, — говорит он.

— Иди сюда, — говорю я.

Он двигается медленно.

Даже сейчас, изнемогая, он двигается медленно, чтобы я успела передумать, отстраниться, испугаться. Поднимается на колени. Приближается. Кладёт ладонь мне на затылок,

прохладную, дрожащую, и от этого прикосновения по мне идёт волна, горячая, стыдная, неуместная.

Другой рукой он берёт меня за талию. Притягивает ближе. Я оказываюсь у него на коленях, между его рук, и его лицо у моей шеи, и я чувствую его дыхание на коже, холодное, прерывистое.

— Если будет невыносимо, — шепчет он мне в шею, — оттолкни меня. Скажи «хватит». Одно слово. Я услышу. Клянусь.

— Я знаю.

— Скажи, что ты согласна. Вслух. Ещё раз.

— Я согласна, — говорю я. — Пей.

И он касается губами моей шеи.

Сначала просто губы. Мягкие, прохладные, они находят жилку под кожей, и он замирает над ней, дыша, будто не решаясь. Метка на моём запястье вспыхивает жаром. А потом я чувствую клыки.

Боль острая и короткая, вспышка, и сразу за ней приходит другое.

Связь распахивается.

Я не знаю, как это назвать иначе. Между нами будто замыкает провод. Ток идёт через место укуса, по крови, вверх, к сердцу, вниз, по всему телу, до кончиков пальцев на ногах. Я чувствую его. Не только губы на своей шее. Я чувствую, как облегчение затапливает его, как гаснет мучивший его голод, как разворачивается внутри него что-то тёмное и благодар-

ное. Его чувства идут в меня по связи, и мои идут в него, и невозможно понять, где заканчиваюсь я и начинается он.

Я слышу свой стон раньше, чем понимаю, что это я.

Это не должно быть таким. Он пьёт мою кровь, это должно быть страшно, дико, неправильно. А по мне разливается тягучий, плавящий жар, тело выгибается ему навстречу само, грудь прижимается к его груди, и внизу живота собирается такое, от чего темнеет в глазах. Я цепляюсь за его плечи. Мои пальцы находят его волосы, зарываются в них, сжимают.

Он глухо стонет мне в шею. От этого звука по мне проходит новая волна.

Его рука на моей талии сжимается сильнее. Не грубо. Отчаянно. Он пьёт медленно, глотками, и с каждым глотком связь гудит громче, ярче, я чувствую, как возвращается к нему жизнь, как теплеет его кожа под моими ладонями, как из холодного он становится почти горячим.

Двести лет одиночества. Я чувствую их. Всё это идёт в меня по связи вместе с его облегчением. Двести лет вкуса пепла во рту, двести лет крови, которая не насыщала, двести лет ожидания того, кого он уже перестал ждать.

И вот я. Тёплая. Живая. Сама.

Слёзы текут у меня по щекам, и я не знаю, чьи они, мои или его. По связи не разобрать.

— Дамиан, — шепчу я.

Он вздрагивает от своего имени.

И останавливается.

Медленно, с усилием, он отрывает губы от моей шеи. Проводит по ранке языком, и она закрывается, я чувствую, как стягивается кожа. Он поднимает голову.

И я вижу его.

Настоящего. Живого. Серебро вернулось в глаза, кожа порозовела, лицо разгладилось. Но не это главное. Главное то, как он на меня смотрит. Открыто. Беззащитно. Так, как, наверное, не смотрел ни на кого двести лет.

— Ты остановился, — говорю я.

— Ты сказала моё имя, — говорит он тихо. — Я вспомнил, кто я. — Он касается моей щеки, стирает слезу, и рука у него теперь тёплая. — Спасибо. За твоё «да». Я буду помнить его, пока существую.

Мы сидим на полу, я у него на коленях, между нами гудит связь, тихо теперь, ровно, как большое сытое сердце. Мне хорошо. Мне невозможно, стыдно, недопустимо хорошо.

И именно в этот момент воздух в доме меняется.

Я чувствую это раньше, чем слышу.

По связи. Другая нить, не Дамиана, натягивается и звенит. Горячая. Злая. Она приходит издалека, с той стороны леса, и в ней ярость такой силы, что у меня перехватывает дыхание.

Кайр.

Кайра нет в комнате. Он вышел, я не заметила когда, где-то во время. Он ушёл, чтобы не мешать, чтобы не смотреть, и теперь он где-то там, за километр, в лесу.

И он чувствует всё.

Всё, что чувствую я. Через связь. Мой жар. Мой стон. То, как выгибалось моё тело навстречу другому.

— Мира, — Дамиан напрягается подо мной. Он тоже почувствовал. — Волк идёт.

— Он не понял, — я вскакиваю. — Он подумает…

— Он подумает ровно то, что было.

Рёв доносится со стороны леса. Не человеческий. Волчий. Он катится по саду, приближаясь, и от него дрожат стёкла.

Я едва успеваю встать на ноги.

Входная дверь особняка не открывается.

Она слетает с петель.

Огромная, дубовая, окованная железом дверь вылетает внутрь, будто её вышибли тараном, с грохотом падает на пол прихожей, и в проёме, на фоне серого сада, стоит он. Полуобратившийся, между человеком и зверем, плечи вздыблены, руки в когтях, лицо искажено, и глаза горят таким янтарём, что больно смотреть.

Он смотрит на меня. На ранку на моей шее. На Дамиана за моей спиной, поднимающегося с пола.

И говорит голосом, в котором рычание зверя мешается с человеческими словами:

— Отойди. От неё.

ГЛАВА 10. РЕВНОСТЬ

Дверь лежит на полу.

Кайр стоит в проёме, огромный, полуобратившийся, и от него исходит такая ярость, что метка на моём запястье вспыхивает болью. Я чувствую его. Всю его боль, всю его злость, весь этот ожог предательства, который на самом деле не предательство.

Связь стала двусторонней. Я поняла это только сейчас. Раньше они чувствовали меня. Теперь я чувствую их.

— Кайр, — говорю я. — Он умирал.

— Я почувствовал тебя, — рычит он, и голос ломается между человеческим и звериным. — Через связь. Каждое… — он давится. — Ты выгибалась. Ты стонала. Я думал, тебя убивают, я бежал через лес, чтобы разорвать того, кто причиняет тебе боль, а ты… ты…

— Я спасала ему жизнь.

— Ты наслаждалась этим!

Слово падает в тишину.

И самое страшное, что оно правда.

Я чувствую, как горит лицо. Потому что да. Тело моё отзывалось. Кормление было не болью, а чем-то другим, тягучим и стыдным, и Кайр прожил это со мной через связь, каждую секунду, за километр, в лесу, один.

За моей спиной поднимается Дамиан. Спокойно. Он сно-

ва безупречен, серебро в глазах, ни следа недавнего голода.

— А ты уже решил за неё, волк? — говорит он ровно. — Что ей можно чувствовать, а что нельзя? Кому она может спасти жизнь, а кому нет?

— Не лезь, пиявка. — Кайр делает шаг внутрь, и половица трещит под его весом. — Ты воспользовался. Она пятый день в этом мире, напугана, не понимает ничего, а ты подставил ей свою пасть и выпил.

— Я отказывался, — говорит Дамиан.

— Врёшь.

— Он отказывался, — говорю я. — Кайр. Он отполз от меня. Он гнал меня из комнаты. Он умирал и гнал меня, чтобы не тронуть. Это я настояла. Я. Своими словами. Ты понимаешь?

Кайр смотрит на меня. В янтаре мечется боль.

— Почему ему, — говорит он тихо, и от этой тихости мне хуже, чем от рёва. — Почему ему ты сказала «да», а мне на поляне не сказала ничего.

И вот теперь больно по-настоящему.

Потому что он прав. Утром на поляне я молчала. А вечером сама предложила вампиру свою кровь.

— Потому что ему это было нужно, чтобы не умереть, — говорю я. — А тебе на поляне я не сказала «да», потому что не хотела говорить его из благодарности. Я хотела, чтобы моё «да» тебе было чистым. Только твоим. Кайр, это не одно и то же.

Но он уже не слышит.

Боль в связи заливает всё. Он мотает головой, отступает к пролому, где была дверь.

— Кайр.

— Мне надо в лес, — говорит он глухо. — Иначе я тут всё разнесу. И его. И, может, тебя.

Он разворачивается.

И уходит в ночь, в тёмный сад, в чёрные сосны, огромный и сломанный, и связь тянется за ним, натягивается, звенит болью на всё большем расстоянии.

— Пусть идёт, — говорит Дамиан за моей спиной. — Волку надо пробежаться. Он вернётся к утру.

Я стою и смотрю в чёрный проём двери.

Метка на запястье болит. Не моя боль. Его. Она уходит вместе с ним в лес и не гаснет, а только тускнеет от расстояния, как удаляющийся крик.

— Нет, — говорю я.

— Мира.

— Я не позволю вам делить меня, как территорию, — говорю я, оборачиваясь. — Ни тебе, ни ему. Слышишь? Я не спорная улица. Я не земля, за которую вы воюете триста лет. И я не буду сидеть в тёплом доме, пока один из вас страдает в лесу из-за того, что я сделала. Это моё решение. И его боль тоже моя.

Дамиан смотрит на меня долго.

И — я вижу это — что-то в его лице смягчается. Уваже-

ние. То же, что было у Кайра на поляне.

— Ты знаешь, что там ночью, — говорит он. — Лес. Холод. Волк не в себе.

— Знаю.

— Он может тебя не узнать в первый миг.

— Узнает.

Дамиан молчит. Потом снимает своё пальто, чёрное, тяжёлое, и накидывает мне на плечи. Оно пахнет им, холодом и старой бумагой.

— Иди, — говорит он. — Я не пойду за тобой. Это между вами. Но если через час ты не вернёшься, я приду. И тогда волку не поздоровится.

Я киваю.

И выхожу в ночь.

Лес ведёт меня сам.

Точнее, ведёт связь. Я иду не по тропе, тропы не видно, я иду по натянутой нити, которая тянет меня за грудину, туда, глубже, между чёрных стволов, по мокрой хвое, в холод и темноту. Метка на запястье теплеет, чем ближе, тем сильнее.

Я нахожу его на той же поляне.

Он снова человек. Сидит на поваленной сосне, там же, где сидел утром, спиной ко мне, опустив голову. Огромный, неподвижный, тёмный силуэт на фоне серого неба. Плечи опущены.

Он слышит меня. Конечно, слышит. Но не оборачивается.

— Уходи, — говорит он глухо. — Я опасный сейчас.

— Нет.

Я подхожу. Сажусь рядом. На то же место, где сидела утром. Между нами полметра мокрого дерева.

— Ты пришла, — говорит он, не поворачивая головы. — Через ночной лес. Ко мне. После того, что я тебе наговорил.

— Пришла.

— Почему?

— Потому что тебе больно, — говорю я. — И я это чувствую. И потому что ты был неправ, но ты имел право злиться. И то, и другое сразу.

Он поворачивает ко мне лицо. В темноте янтарь его глаз тускло тлеет.

— Я ревновал, — говорит он. — Как мальчишка. Я альфа, мне триста лет по вашим меркам, а я бежал через лес, потому что ты стонала под чужими губами, и я хотел убивать. Это стыдно, Мира. Так не должно быть.

— Так и есть, — говорю я. — Стыдное тоже настоящее.

Не знаю, кто из нас двигается первым.

Может, я. Может, он. Может, связь тянет нас друг к другу и решает за обоих.

Но вот мы уже не в полуметре. Его рука на моём затылке, горячая, огромная, пальцы в моих волосах, и его рот на моём рту, и это не нежно.

Это зло.

Он целует меня так, будто мстит. Мстит вампиру, ночи, лесу, собственной ревности. Жёстко, глубоко, его зубы при-

хватывают мою нижнюю губу, и я стону ему в рот, и хватаюсь за его плечи, и отвечаю тем же. Во мне вспыхивает тот же огонь, злой, голодный, копившийся годами. Я целую его так же зло, вцепляюсь в его волосы, тяну на себя.

От него идёт жар, весь его звериный жар, хвоя и металл, и я плавлюсь в нём. Его руки на моей спине, под пальто Дамиана, скользят по свитеру, находят талию, притягивают, и я почти на его коленях, и связь гудит, как провод под током, громче, чем с вампиром, потому что тут ещё и его волк, его зверь рвётся ко мне через кожу.

Я хочу его. Всего. Прямо здесь, на мокрой поляне, в холоде.

И именно поэтому он останавливается.

Он отрывается от моих губ. Тяжело дыша, лбом упирается в мой лоб. Его грудь ходит ходуном. Я чувствую через связь, чего ему это стоит.

— Нет, — говорит он хрипло.

— Кайр…

— Не так, — он отстраняется, держа моё лицо в ладонях. — Не так, Мира. Не назло ему. Не на злости, не на ревности, не потому что он выпил тебя первым, а я хочу успеть. — Он сглатывает. — Когда ты будешь моей, это будет из-за меня. Только из-за меня. А не из-за того, что было в том доме час назад.

Я смотрю на него. На его лицо, в котором сейчас нет ни капли зверя, только человек, измученный и честный.

Утром он остановился, потому что я молчала.

Сейчас он останавливается, хотя я не молчу. Хотя я тянусь к нему. Потому что чувствует, что моё «да» сейчас нечистое. Замешано на связи, на ревности, на чужом укусе.

Он снова спрашивает разрешения. Даже когда я готова его дать.

— Ты невозможный, — шепчу я.

— Я знаю.

Он поднимается. Протягивает мне руку.

— Идём домой, — говорит он. — Пока ты не замёрзла. И пока я не передумал быть благородным.

Я беру его руку. Огромную, тёплую, надёжную.

И мы идём через ночной лес обратно, к свету в окнах особняка, где ждёт вампир, и связь между всеми троими гудит тихо и ровно, как одно большое сердце на три голоса.

Кайр правда благороден до самого крыльца.

Дамиан встречает нас в дверях. Смотрит на наши сцепленные руки, на мои искусанные губы, и бровь его чуть приподнимается, но он молчит. Только отходит в сторону, пропуская нас в тепло.

— Дверь, — говорю я, глядя на дубовую створку, лежащую в прихожей.

— Починю, — коротко бросает Кайр.

— Ты её вынес.

— Я и починю.

Дамиан смотрит на волка почти по-доброму.

— Из тебя вышел бы неплохой плотник, — говорит он. — Если бы ты умел рассчитывать силу.

— Заткнись, пиявка.

Но злобы в этом уже нет. Что-то изменилось за эту ночь между всеми троими. Не разрешилось, нет. Но сдвинулось.

Я поднимаюсь к себе. Засыпаю мгновенно, впервые за пять дней без снов, и связь тихо гудит вокруг меня, оберегая, с двух сторон.

Утром на пороге лежит посылка.

Я нахожу её первой, спустившись раньше мужчин. Простая картонная коробка, без марок, без адреса, перевязанная бечёвкой. Стоит ровно на середине восстановленного за ночь Кайром крыльца, будто её поставили аккуратно и с уважением.

На нейтральной земле. За забором, который не пересекают ни волки, ни вампиры.

Кто-то прошёл. Кто-то оставил.

Я знаю, что не должна её трогать. Знаю. Но руки уже развязывают бечёвку, снимают крышку.

Внутри, на слое ваты, лежит лист бумаги.

Старый. Очень старый. Почти двести лет.

Обгоревший по краям, свёрнутый, с текстом, написанным тем же почерком, что и дневник в моём сейфе. Тот же наклон, те же старинные буквы, та же рука.

Страница из дневника Элианы.

Только я эту страницу никогда не видела.

Её не было в тетради, которую я реставрирую. Тетрадь начинается позже. Эта страница — раньше. Из начала, которого у меня нет.

И которую я, реставратор, единственный человек, способный это прочесть, ещё даже не держала в руках.

Кто-то опережает меня.

Кто-то читает дневник Элианы прежде, чем это делаю я.

Руки холодеют. Я разворачиваю обгоревший лист, и первая же строка, выведенная выцветшими чернилами, заставляет меня забыть, как дышать.

«Если ты читаешь это, значит, ты такая же, как я. И значит, один из тех двоих, кому ты веришь, тебя уже убивает».

Позади меня на лестнице раздаются шаги.

Готова десятая глава. Ключевые сдвиги: связь стала двусторонней — Мира теперь тоже чувствует мужчин, и это меняет расстановку сил. Ревность Кайра прожита без превращения в злодея: он неправ, но имеет право на боль, а Мира впервые формулирует свою границу вслух — «я не спорная улица». Первый поцелуй горячий и злой, и Кайр снова останавливается сам, теперь уже отказываясь от согласия, которое считает нечистым — это закрепляет его арку «властный альфа, который учится спрашивать».

Финальный крючок я усилил: посылка с обгоревшей страницей не только показывает, что враг опережает Миру как реставратора, но и рифмует предупреждение Северина из

седьмой главы («убил тот, кому она доверяла больше всех») — теперь то же самое говорит голос самой Элианы через двести лет. Это тянет читателя и к разгадке тайны дневника, и к тревоге за то, кому из двоих можно верить.

Скажите «пиши» — и берусь за одиннадцатую по плану.

ГЛАВА 11. ЭЛИАНА

Страница лежит у меня на коленях, а я сижу на полу библиотеки и не могу дочитать до конца.

Два часа. Я держу этот лист два часа и не могу дочитать. Потому что каждая строка впивается под кожу и остаётся там.

Мужчины не мешают. Дамиан уехал решать что-то с юристами рода. Кайр ушёл проверить периметр. Я одна в старом доме, и передо мной обгоревшая страница, написанная рукой женщины, которую убили триста лет назад.

Я наконец читаю дальше.

«Меня зовут Элиана. Я пишу это ночью, при свече, потому что не могу спать. Сегодня Каспар снова молчал за ужином. Он молчит уже пятый день. А Ард, когда я спросила, что происходит, отвернулся. Я чувствую их обоих. Я всегда чувствовала их обоих. Так было с самого начала. Разве это проклятие?»

Каспар. Ард.

Два имени. Двое мужчин.

Как у меня.

«Люди говорят, что я должна выбрать. Что Связующая не может принадлежать двоим, что это против природы, против богов, против всего. Я смеюсь им в лицо. Как выбрать половину себя? Как отрезать одну руку, чтобы другой было

легче?»

У меня перехватывает дыхание.

Я три дня назад говорила то же самое. Своими словами. Ничего не зная про неё.

«Каспар — вампир. Он холодный снаружи и кипящий внутри. Он прячет меня от всего мира, решает мои дела прежде, чем я успеваю о них подумать, и делает это так, что я не сразу замечаю, как меня оберегают в клетке из шёлка. Он думает, что так безопаснее. Он не понимает, что я хочу жить, а не храниться.

Ард — волк. Он огромный и горячий, и он говорит то, что думает, и берёт то, что хочет. Мне страшно рядом с ним и хорошо. Он не прячет меня от мира. Он приводит мир ко мне, чтобы я на него посмотрела.

Они ненавидят друг друга. И оба любят меня. И я люблю обоих. Этого не должно быть, но это так, и судьба не спрашивает, удобно ли кому-то.»

Я сижу на полу с листом в руках и чувствую, как у меня трясутся пальцы.

Она описывает их.

Не людей вообще. Не абстрактную историю. Она описывает моих мужчин. До мелочей. До того, как Дамиан «решает дела прежде, чем я успеваю о них подумать». До того, как Кайр «говорит, что думает, и берёт, что хочет».

Триста лет назад женщина писала про то же, что происходит со мной сейчас.

Я читаю дальше.

«Я заканчиваю эту страницу и отдам её Каспару. Он хранит наши записи в особом месте. Говорит, так безопаснее. Я согласилась не сразу, но он так смотрит на меня, когда я соглашаюсь. Я соглашаюсь.

Если ты читаешь это, значит, ты такая же, как я. И значит, один из тех двоих, кому ты веришь, тебя уже убивает.

Не тому, кто кричит. Чаще всего тебя убивает тот, кто молчит.»

Я кладу лист на пол и закрываю глаза.

Дышу. Медленно, до счёта. Вдох. Выдох. Так меня учил Кайр на поляне.

Не помогает.

«Один из тех двоих, кому ты веришь, тебя уже убивает».

Триста лет назад это была Элиана. Двести лет спустя её записи спрятали в стену особняка. Два месяца назад их нашла я. Пять дней назад метка на моём запястье вспыхнула и больше не угасает.

Я не первая.

Я не первая женщина, которую выбрали оба. И я не первая, кого это убило.

К обеду я достаю из сумки ноутбук и начинаю работать.

Не потому, что храбрая.

Потому что реставратор во мне не может иначе. Я не умею оставлять испорченный текст испорченным. Я двадцать семь лет учусь читать то, что время стёрло, и вытаскивать из этого

смысл.

И ещё потому, что если я не разберусь, кто убивает Связующих, следующей буду я.

Полдня я провожу над дневником из сейфа. Я закончила реставрацию до середины. Теперь я перечитываю каждую страницу заново, с новым взглядом.

Он совсем не про войну.

Я всегда думала, что это политический документ. Триста лет назад убили женщину, началась война между вампирами и оборотнями. Дневник должен был стать ключом к этой истории.

Теперь я вижу другое.

Дневник — про любовь.

Почти каждая страница про Каспара и Арда. Про то, как они делят её — не как имущество, а как делят время. Про то, как она лежит между ними ночью и дышит с ними в такт. Про то, как Каспар говорит ей: «Ты приносишь мир в мой голод». Про то, как Ард говорит: «Ты держишь моего зверя за поводок, и он спит».

Она была лекарством.

Не только для них. Для их народов. Пока она жила между ними, вампиры и оборотни не воевали. Не из-за страха. Из-за неё. Она делала так, что им не хотелось друг друга убивать.

Рядом с ней вампир лучше владел голодом. Оборотень — зверем. Каспар писал это в дневнике тем же вечером, когда она описывала их ужин. Они писали попеременно, в одном

переплёте, вперемешку, будто держали тетрадь на двоих.

Двести лет спустя их записи замуровали в стену. Чтобы никто не прочитал.

Я поднимаю голову и смотрю в окно.

Дамиан не пил чужую кровь с момента нашей встречи. Кайр на поляне сдерживал волка рядом со мной почти нежностью.

Это то, о чём писала Элиана.

И если слухи об этом выйдут наружу, обе стороны, вампиры и оборотни, получат объяснение, почему их триста лет учили друг друга ненавидеть. Одна женщина удерживает две расы от взаимной резни. Уберите её, и всё вернётся обратно. Так удобнее всем, кто на этой войне зарабатывает.

Я никогда в жизни не была настолько важна.

Мне становится холодно.

Вечером я перехожу к изображению.

На дальней от кожаного переплёта стороне дневника, среди последних страниц, есть рисунок. Сделан пером, тонко, аккуратно. Я видела его и раньше, но всегда думала, что это иллюстрация к легенде. Обычная гравюра на полях.

Теперь я смотрю на него по-другому.

Она лежит на скамье. Тонкая фигура в длинном платье, руки сложены на груди. С обеих сторон от неё — мужчина. По левую сторону волк. По правую — вампир, с длинными клыками, в тёмном камзоле. Руки обоих мужчин лежат на её руках. Симметрично. Волк слева держит её правую руку.

Вампир справа держит её левую. Их пальцы касаются, не соприкасаясь. Она между ними, в центре. Голова её чуть повёрнута, и я почти уверена, что она смотрит не на одного из них, а прямо на того, кто смотрит на рисунок.

Композиция.

Я сижу, затаив дыхание.

Она почти такая же, какую я видела в первый день. Только не на картинке. В жизни. В переулке, когда меня схватил Кайр. Потом на крышах. Потом на поляне. Потом в гостиной этого дома. Я всегда между ними. Волк с одной стороны. Вампир с другой.

Она нарисовала нас.

Я провожу пальцем по бумаге и понимаю, что пальцы дрожат.

Под рисунком — подпись, тем же почерком.

«Я не хотела в центр. Судьба поставила сама. Значит, придётся держать.»

К полуночи я добираюсь до последних страниц дневника.

Здесь текст записан быстрее, чем раньше. Торопливо. Чернила местами размазаны, будто рука дрожала. Несколько строк зачёркнуты. Несколько выжжены изнутри пробиркой с кислотой так, что остались только островки слов.

Я разбираю их по буквам, по слогам, с лупой.

«Они придут ночью. Оба совета. Я узнала их имена. Каспар говорит, не ходи. Ард говорит, уедем. Я говорю: нет. Если я сбегу, они убьют их обоих. Если я останусь…»

Ниже — обгоревшая полоса. Дальше — выцветшая запись, ещё одним почерком. Мужским, ровным, с сильным нажимом. Каспар.

«Она не вернулась. Прости.»

И в самом низу, слабо, почти невидимо, тем же мужским почерком, но уже дрожащим:

«Это я подписал приказ. Не Ард. Прости меня, Элиана. Прости, если читаешь.»

Я отодвигаю дневник от себя, как что-то горячее.

Она не сбежала.

Они пришли ночью, оба совета. Оба — те, кого она считала своими. Она узнала их имена. И кто-то из тех, кому она верила, кто держал её за руку в дневниковом рисунке, поставил подпись под приказом о её смерти.

Каспар.

Вампир.

Тот самый, кто прятал её от мира в «клетке из шёлка». Тот самый, кто хранил её записи в особом месте.

В том самом особом месте, в стене особняка, где эти записи нашли двести лет спустя.

Я откидываюсь на спинку кресла и прижимаю ладонь к груди.

Сердце стучит быстро, отрывисто, чужим ритмом.

Не потому, что я не верю в написанное. Наоборот. Я верю слишком сильно. И потому что знаю, как это бывало со мной раньше.

Мужчина прячет женщину от мира. Мужчина делает так, что ей не с кем посоветоваться, кроме него. Мужчина хранит её бумаги у себя и говорит, что так безопаснее. Три года назад я жила с таким человеком. Я не знала, что он меня убивает. Я думала, что он меня любит.

Каспар убил Элиану.

Но какая-то часть меня уже знает: это не всё. Дневник слишком гладко подводит меня к имени Каспара. Слишком прямо. Слишком удобно для того, кто прятал эти страницы двести лет. Слишком ровно, чтобы быть правдой.

И именно поэтому мне так холодно.

Я не помню, как уснула.

Помню только, как облокотилась на стол. Как буквы начали плыть. Как тепло от камина легло на плечи и потянуло вниз. Свет от настольной лампы, разложенные листы, лупа рядом с чашкой.

А потом темнота, короткая, как моргание.

И прикосновение.

Я просыпаюсь от него. Не резко, не от испуга. От нежности. Кто-то очень осторожно, кончиками пальцев, отводит прядь волос с моего лица.

Я могла бы открыть глаза. Наверное, стоит открыть. Но я не открываю.

Мне хорошо.

Сквозь ресницы я вижу его. Дамиан. Стоит, наклонившись надо мной, в темноте библиотеки, почти не дышит. Его

пальцы всё ещё в моих волосах. Он убирает прядь с моего виска, медленно, бесконечно медленно, как будто боится, что одна прядь, потревоженная слишком сильно, разбудит спящий мир.

Он думает, что я сплю.

Он осторожно берёт со стола мою руку. Я расслабляю пальцы, чтобы это выглядело естественно. Он подносит тыльную сторону моей ладони к губам. Касается её. Не целует. Просто прижимается, держит губы прижатыми к коже. Долго.

Я чувствую через связь.

Он не умеет это прятать. Я теперь чувствую его так же, как Кайра. Боль. Не острая, не ревнивая, какая была в Кайре в лесу. Тихая, глубокая, как у человека, стоящего над раскрытой могилой. Я читаю его всего, целиком, в этой одной секунде у моей ладони.

Он смотрит на бумаги на столе. На дневник. На обгоревшую страницу, разложенную рядом.

Понимает, что я прочла.

И я чувствую — через связь, яснее, чем словами, — как он боится. Не того, что узнал я. Того, что узнает он.

Он осторожно укладывает мою руку обратно. Выпрямляется. Отходит.

И у двери в темноте говорит очень тихо, сам себе, не мне:

— Если это правда, значит, я — внук убийцы.

Свет из коридора вытягивает его силуэт в длинную тень.

Дверь закрывается.

Кайр приходит в полтретьего ночи.

Я слышу его через связь раньше, чем слышу шаги. Волк возвращается из леса медленно, вязко, уставший. Не злой. Просто огромный и немного потерянный. Я чувствую, как он останавливается в коридоре, принюхивается, понимает, что я в библиотеке. Идёт ко мне.

Я сижу за столом. Не сплю. Наливаю воду в чашку. И не двигаюсь.

Он входит. Останавливается в дверях. Смотрит на меня. Потом на стол. На дневник. На страницы, разложенные вряд. Потом опять на меня.

— Ты не спишь, — говорит он.

— Не сплю.

— Дамиан был.

— Был.

Он молчит. Смотрит на мою руку, ту, которую Дамиан подносил к губам. Связь тянет меня к нему, но совсем иначе, чем к Дамиану сейчас. Это не тревога за него. Это его тревога за меня.

— Ты плакала.

— Не плакала.

— Связь врёт, что ли.

Я смотрю на дневник, потом на Кайра.

Он подходит ближе. Медленно. Садится на корточки рядом с моим креслом, чтобы наши лица были на одном уров-

не. Он дышит ровно. Огромный, заснеженный ночным лесом, тёплый.

— Что там, Мира, — говорит он тихо. — Мне без подробностей. Просто скажи, насколько плохо.

Я кладу ладонь на его шею. Просто так. Мне нужно за что-то держаться, когда я это говорю.

Он не двигается. Не берёт мою руку, не придвигается. Просто даёт мне держаться.

— Триста лет назад жила женщина по имени Элиана, — говорю я. — Её выбрали двое. Вампир и волк. Каспар и Ард.

Он не меняется в лице. Каспар не значит для него ничего. Пока.

— Она не выбирала, — говорю я. — Судьба поставила её в центр, и она держала. Удерживала мир между двумя расами. Пока ей не стали мешать. Потом её убили.

Он кивает.

— И последнее, что она записала, — говорю я. — Их пришли убить оба совета. Она узнала их имена. Только записать уже не успела. Следующая страница оборвана.

Кайр смотрит на меня. Связь между нами гудит. Он умеет читать меня через неё так же, как я его. Наверное, ему хватает того, что я не сказала вслух.

— Кто из них, — говорит он наконец. — Кто из них подписал приказ.

Я не отвечаю.

— Ты знаешь, — говорит он тихо.

— Знаю.

— И это не волк.

— Да.

Он поднимается. Отходит к окну. Смотрит в чёрный сад. Плечи его так напряжены, что видно, как ходят мышцы под футболкой, но злости в нём нет. Только что-то глухое.

— Ты понимаешь, что это значит, — говорит он.

— Понимаю.

— Старые вампирские семьи будут топить эту запись в крови, Мира. Двести лет эту тетрадь стерегли в стене. Значит, кто-то очень хочет, чтобы её прочли устами того, кому ты больше всех веришь. Прямо сейчас. В этом доме.

— Понимаю.

Он оборачивается.

— Тогда не делай этого, — говорит он. — Не бери эту страницу в руки. Не говори про неё Дамиану, пока не будешь уверена. Слышишь? Если ты это скажешь ему, он… он не знаю. Он просто тебя оттолкнёт. Чтобы ты не видела, как ему больно.

— Я знаю.

— Мира.

— Он уже прочёл, — говорю я.

Он замирает.

— Он был здесь ночью, — говорю я. — Он видел страницы. Он знает.

Долгая тишина.

— Тогда, — хрипло говорит Кайр, — скажи мне, зачем ты не спишь. И зачем ты пьёшь воду в три ночи. Решила, что тебе теперь нельзя, что ли.

Я смотрю на него. Смотрю на его огромные, тёплые, неотступные глаза. На то, как он говорит с женщиной, которую выбрал, когда сам устал, сам ранен, сам всю ночь бегал по лесу от собственной ревности. Как он не спрашивает меня, что делать. Он спрашивает, что мне нужно.

— Мне страшно, — говорю я.

Он ничего не делает. Просто стоит и даёт этому быть. Не бросается утешать, не закрывает меня плечом, не решает за меня, что делать со страхом.

— Хорошо, — говорит он. — Тогда я побуду здесь.

И садится на пол. У камина. Спиной к огню. И смотрит на меня. Тепло, внимательно, спокойно.

Я не сплю до рассвета.

Он тоже не спит. Сидит у очага и не спускает с меня глаз. На рассвете я поднимаюсь, кладу обратно в конверт обгоревшую страницу, вкладываю её в дневник, между последними листами, туда, где почти ничего не сохранилось.

И говорю тихо, не ему, себе:

— «Они придут ночью. Оба совета. Я узнала их имена».

Записей Элианы больше нет. Дальше в дневнике идут вырванные страницы. Кто-то очень аккуратно вырезал их ножом, много лет назад, до того, как записи замуровали в стену.

Кто-то не хотел, чтобы правда была прочитана целиком.

И этого «кто-то» я, кажется, знаю.

Я закрываю тетрадь. Смотрю на Кайра. Он встаёт. Подходит. И не спрашивает меня ни о чём.

— Пойдём завтракать, — говорит он. — Дамиан, наверное, уже чай поставил.

— Дамиан не спит по ночам.

— Я знаю.

Я выхожу из библиотеки первой. У самого порога мне приходит в голову простая и страшная мысль.

Элиана доверяла Каспару больше всех. И подпись под приказом о её смерти — его.

Но страницы с именами вырвал кто-то другой. Кто-то, кто получил доступ к дневнику после её смерти. Кто-то, кто был в обоих советах. Кто-то, кто не боялся ни вампира, ни волка — и переписал историю так, чтобы война продолжилась.

Кто-то, кто живёт до сих пор.

Я оборачиваюсь к Кайру.

— Если я скажу тебе одну вещь, — говорю я. — Ты меня не перебьёшь. И никому не расскажешь.

— Говори.

— Я не верю, что Элиану убил вампир. Слишком легко. Слишком удобно. — Я делаю вдох. — Такую женщину, как она, убили оба. Вместе. И на поверхности этого убийства кто-то очень долго держал власть. И вот что я скажу дальше. Этот кто-то до сих пор жив. И он сегодня ночью знал, что

обгоревшую страницу принесли на порог этого дома.

Кайр молчит.

И впервые за всё время, что я его знаю, я не могу понять его лица.

ГЛАВА 12. В ОГНЕ

Ночь приходит тихо, и это самое страшное.

Весь день прошёл обычно. Я реставрировала дневник. Дамиан вернулся из города под вечер, усталый, с бумагами, и за ужином молчал, но его молчание сегодня другое, не про дневник, а про дела рода. Кайр заколотил новую дверь, проверил снаружи все окна, развесил по периметру что-то, чего я не вижу, но чувствую через связь, тонкие невидимые нити. Мы поужинали втроём. Дамиан сидел со стаканом воды и смотрел, как я ем, и в какой-то момент я поймала себя на том, что мне хорошо. По-настоящему, спокойно, впервые за эти дни.

Так тихо бывает перед бурей.

Мы расходимся по комнатам рано. Я засыпаю быстро, устала. Метка на запястье тлеет ровно, и связь гудит с двух сторон, как два сердца в соседних комнатах, и мне спокойно от этого гудения.

Просыпаюсь от тишины.

Не от звука. От отсутствия звука.

Связь замолчала.

Это как если бы вдруг выключили радио, которое играло всю жизнь. Я лежу в постели и не слышу ни Кайра за стеной, ни Дамиана внизу. Только пустота. И эта пустота холодит хуже любого крика.

Я открываю глаза.

В комнате стоит человек.

Он стоит у окна, спиной ко мне, и он не двигается. Силуэт тонкий, невысокий, в тёмном. Я не слышала, как он вошёл. Я не слышу его дыхания. Я вижу только, что на нём перчатки, и в правой руке у него что-то длинное. Тонкое.

Клинок.

Я не успеваю даже вдохнуть, как слышу внизу, на первом этаже, первый удар.

Дом взрывается звуком.

Я успеваю скатиться с кровати, когда стекло в окне вылетает внутрь и что-то тяжёлое шлёпается на пол рядом с силуэтом. Тот оборачивается. Я вижу его лицо. Молодое, бледное, злое. И в это лицо со всей силы влетает кулак Кайра.

Только что он был в саду. Я знаю. Через связь. Но он уже здесь, и он уже схватил нападавшего, и отрывает его от пола, и швыряет в стену, так что штукатурка брызгает крошкой. Первый ещё пытается встать. Второй удар уже не оставляет ему шанса. Кайр выпрямляется, тяжело дыша. Смотрит на меня.

— Целая?

— Целая.

— Сиди здесь. Не выходи.

Он уже за дверью.

Я стою посреди разбитой комнаты, в одной ночной рубашке, босая, и слушаю, как внизу идёт бой.

Я должна сидеть. Я знаю. Но что-то внутри меня не даёт сидеть. Это не храбрость. Это то самое чувство, которое я всегда подавляла в себе годами, желание наконец посмотреть, что происходит, а не притворяться спящей.

Я выхожу в коридор. Спускаюсь по лестнице.

И вижу.

Внизу всё в дыму.

Не от пожара. От чего-то другого, едкого, ядовитого, оно стоит в воздухе белыми струями и режет глаза. Я прижимаю к лицу подол рубашки и смотрю между перил.

В гостиной шесть или семь фигур. Не вампиры. И не волки. И те, и другие. Я узнаю бледные лица и узнаю широкие плечи. Это смешанная группа. Вампир и оборотень в одном отряде. Такого не бывает. Дамиан говорил, что не бывает.

Их оружие я вижу даже сквозь дым.

Серебро. У одного длинный серебряный клинок с зелёным налётом, у другого серебряные ножи, у третьего что-то похожее на хлыст, плетёный, тоже серебряный.

И ультрафиолет. У вампиров в руках короткие толстые фонари с тёмным стеклом, которые не светят, а бьют узким потоком белого, мучительно белого света. Я вижу, как Дамиан уклоняется от одного такого потока, и там, где луч чиркает по стене, обои тлеют мгновенно, будто их коснулись сваркой.

Так готовятся против обеих рас.

Серебро для волков. Ультрафиолет для вампиров.

Их подготовили. Их послали. Их послал кто-то, кто знает, что в этом доме живут и те, и другие.

Меня ведёт вниз раньше, чем разум успевает меня остановить.

Дамиан в центре зала.

Я никогда не видела его таким.

Он двигается медленно. Не как в фильмах, не рывками, не с размахом. Он двигается так, как двигается вода в узком русле. Он поднимает руку, и человек с клинком пролетает мимо него и врезается в стену. Он делает полшага, и ультрафиолетовый луч проходит там, где секунду назад была его голова. Он берёт одного за горло, сжимает, и тот обмякает почти без звука. Холодная точность. Ни одного лишнего движения. Ни одного всплеска эмоции на лице. Он не ярится. Он работает.

Именно поэтому он так страшен.

Между двумя ударами его взгляд находит меня.

Всего на миг. Его серебряные глаза встречают мои, и в них вспыхивает что-то, чего я не видела раньше. Не злость. Огонь. Дикий, собственнический, животный.

— Наверх! — рявкает он.

И в это мгновение за его спиной появляется вампир с ультрафиолетовым фонарём.

Я успеваю только вскрикнуть.

Но Кайр уже там.

Он падает с лестницы, сверху, всей массой, и сминает вам-

пира, вбивает его в паркет, и от этого удара лопается пол. Фонарь отлетает. Бледный рукой пытается достать Кайра кинжалом, но Кайр хватает его руку, и я слышу, как хрустит кость, как ломается запястье, и как вампир впервые за все эти дни издаёт настоящий звук, тонкий, детский почти, стон боли.

Кайр поднимается. Он больше не человек. Я вижу это сквозь дым. Плечи его вздулись, лицо вытянулось вперёд, из-под губ пробиваются клыки, волчьи, длинные. Он ещё держится в форме человека, но это уже не человек.

Дамиан оборачивается к нему.

На одно мгновение время замирает.

Они смотрят друг на друга через дым. Вампир с серебряными глазами и оборотень, полуобратившийся. Мгновение назад это была бы драка. Сейчас — я вижу это, и мне страшно от того, что я вижу — сейчас это взгляд сообщников.

— Слева, — говорит Дамиан.

— Вижу.

Они двигаются одновременно.

Дамиан уходит влево, ловя на себя двоих. Кайр бросается вправо, на трёх, и молотит их так, что слышно, как хрустят кости на другом конце комнаты. Они разделили зал пополам, как две половины одного удара. Вампир берёт тех, что с серебром. Волк берёт тех, что с ультрафиолетом. Каждый укрывает другого от того оружия, от которого тот уязвим.

Идеально.

Я стою на нижней ступеньке лестницы, прижавшись к перилам, в одной рубашке, босая, и не могу оторвать глаз. Я знаю, что должна бояться. Я и боюсь. Но под страхом, под этим ледяным страхом, во мне поднимается что-то другое, горячее и стыдное.

Я смотрю на них.

Огромного волка, который двигается так, будто земля под ним его собственная, каждое движение с прицелом на чужие кости, ярость, голая, первобытная, и в этой ярости столько силы, что тело у меня отзывается раньше головы. И вампира, который двигается холоднее и страшнее любого зверя, потому что он не ярится, он решает, и каждое его решение убивает. Двое. Один горячий. Один ледяной.

И оба дерутся за меня.

Внизу живота собирается тягучее, горячее, и я сжимаю бёдра, и мне стыдно, мне мучительно стыдно, потому что там идёт бой, там льётся кровь, там хрустят кости, а я стою и чувствую, как моё тело тянется к ним. К обоим. Через связь, которая не просит у меня позволения и не считается с обстоятельствами.

Что со мной не так.

Всё заканчивается быстро.

Слишком быстро для такого количества тел. Последний боец, оборотень с серебряным ножом, отступает к двери, и Кайр не догоняет его, потому что в этот момент что-то происходит с ним самим.

Серебро. Я вижу блеск клинка, зажатого в руке последнего противника.

Кайр замирает, хватаясь за бок.

И падает на одно колено.

Я успеваю только вскрикнуть.

— Кайр!

Вампир с ножом бросается к двери. Дамиан уже там. Одно движение, и бледный замирает, прижатый к косяку клинком, которого у Дамиана секунду назад не было. Дамиан смотрит на него сверху, холодно.

— Опусти оружие, — говорит он. — Или я оторву тебе руку, и ты успеешь пожалеть об этом прежде, чем потеряешь сознание.

Нож падает на пол.

Дамиан отбрасывает пленника в сторону, к остальным, кто ещё жив. Двое лежат без движения. Трое стонут. Один хрипит. Он не смотрит на них. Он оборачивается к Кайру.

Кайр сидит на полу у кресла.

Он снова человек. Обратился обратно быстро, рывком, и это, видимо, тоже стоило ему сил, потому что лицо бледное до синевы, а лоб в испарине. Он прижимает ладонь к боку, и кровь сочится между пальцами. Много крови. Слишком много.

Я падаю рядом с ним на колени.

— Дай посмотреть.

— Ерунда.

— Кайр!

Он убирает руку.

Рана длинная. Не резаная, а рваная, будто лезвие шло не прямо, а с вывертом, с ядом, который разъедает кожу по краям. И края не розовые, как у обычной раны. Они серые. И они не стягиваются. Я не реставратор кожи, но я вижу: она не затягивается. Прошло уже полминуты, а кровь всё идёт, и она тёмная, густая, как смола, и это не похоже ни на одну рану, которую я видела.

— Что это, — говорю я. — Почему не заживает?

Подходит Дамиан.

Он снимает пиджак и опускается на колено рядом со мной. Он смотрит на рану долго. Дольше, чем нужно. И лицо у него такое, каким я не видела его ни разу за эти дни. Спокойное. Слишком спокойное.

— Серебро, — говорит он тихо. — Оборотни от него не заживают так же быстро, как от обычного металла. Но это не обычное серебро. Смотри, — он указывает пальцем на серый след по краям, — видишь налёт? Так делают настойку. Серебро и кровь определённой разновидности вампиров. Тех, у которых кровь разъедает заклинания. У нас это называется «живое серебро». Оно попадает в кровь волка и не даёт ему обратиться целиком.

Кайр скалится.

— Хочешь сказать, я не смогу обернуться?

— Уже не можешь, — говорит Дамиан.

Кайр молчит. Смотрит на свою рану. Смотрит на серые края. И я чувствую через связь, как по нему проходит то, чего он не показывает лицом. Небольшая паника. Волк не может обернуться. Волк не может защитить ни себя, ни меня.

— Кто это делает, — говорю я. — Кто умеет такое серебро.

Дамиан смотрит на меня.

Долго.

И на его лице появляется то самое выражение, которое я видела ночью, у моей ладони. Он знает ответ. И этот ответ его мучает.

— Я знаю три семьи во всём мире, которые умеют это, — говорит он наконец. — Одна вымерла сто лет назад. Вторая продаёт своё серебро только совету оборотней, в знак старого договора. — Он делает паузу. — Третья — моя семья. Мой род. Мы делаем это серебро только для внутренних нужд. Таких клинков не должно быть ни на одной стороне. Никогда.

Тишина.

Кайр смотрит на Дамиана, и в его глазах впервые за все эти дни появляется что-то похожее на злость. Не ревнивую, не личную. Настоящую. Отцовскую.

— Ты что, распространяешь свою отраву по городу, — говорит он.

— Это не моя отрава.

— Это твоя семья.

— Это моя семья, — соглашается Дамиан, и голос у него становится совсем ровным. — И я собственными руками заклинал эти ножи, чтобы они не выходили за пределы рода. — Он поднимает клинок, лежащий на полу, и вращает его в руке. — На этом ноже моя печать. Такую марку ставлю только я.

Он показывает мне узор у основания рукояти.

Я вижу. Тонкий вензель, две луны, соединённые короной.

И мы с Кайром одновременно начинаем понимать.

Кто-то подделал печать. Или кто-то взял клинок из хранилища рода Вейр. Или — и это самое неприятное — кто-то настолько близок к Дамиану, что имеет доступ к его личному оружейному хранилищу.

— Северин, — говорит Кайр.

Дамиан молчит.

— Он тоже Вейр, — говорит Кайр. — Он тоже старейший. Он может заходить в хранилище.

Дамиан поднимается. Отходит к окну. Смотрит в разбитое стекло, в ночной сад. Спина прямая.

— Я это знаю, — говорит он ровно.

И больше ничего не добавляет.

Я остаюсь с Кайром.

Дамиан уходит наверх, к пленникам, чтобы допросить. Я вижу его через связь, как он идёт, спокойный, и как что-то внутри него скручивается туго и мелко, как пружина. Я не могу помочь. Это его дело.

Кайр сидит в кресле.

Я мою рану. Вода, тряпка, йод, найденный в шкафчике на кухне. Он смотрит, как я работаю, ничего не говорит. Плечи его тяжёлые, огромные, дышит он неровно. Через связь я чувствую его напряжение, его боль, и ещё что-то, чего он не называет словами. Стыд. Он не хочет, чтобы я видела его слабым. Опять. Всё то же, что было на поляне.

— Я тебе не враг, — говорю я, промокая края раны.

— Знаю.

— Тогда дай быть рядом. Просто рядом. Мне нужно.

Он поднимает на меня глаза. В них то самое выражение, с которым он смотрел на меня в лесу ночью. Тепло, усталость, и этот огонь, который он всё время притушивает.

— Мира.

— Мгм.

— Ты простояла на лестнице. В одной рубашке. И смотрела.

— Смотрела.

— Ты не боялась?

— Боялась. — Я кладу тряпку. — Очень боялась.

— А потом?

— Потом перестала смотреть на бой.

Он молчит.

— И стала смотреть на вас.

Тишина. Гудит связь.

— Я ненормальная, — говорю я тихо. — Я стою посре-

ди дома, где двое нелюдей убивают людей, и я… это неправильно. Я должна была прятаться, звонить кому-то, кричать в окно. А вместо этого у меня дрожат колени, и не от страха.

Он смотрит на меня долго.

Потом берёт мою руку. Просто держит её. Большой палец проходит по тыльной стороне ладони. Раз. Другой.

— Ты не ненормальная, — говорит он. — Ты наша. Нам обеим так будет. Так и было всегда.

— У кого.

— У Элианы. — Он смотрит на меня спокойно, без удивления. — Ты вчера читала её записи. Я видел. Она писала про то же самое. Смотрела и не могла отвернуться. Это связь. Она держит тебя между нами так же крепко, как держит нас. Только у тебя это впервые, а у нас двести лет жизни впустую.

Он снова опускает глаза на рану.

— И я сейчас думаю, — говорит он, — если бы не серебро, я бы уже отнёс тебя наверх. Или взял на полу прямо здесь. Со всей этой кровью и дымом. И это меня пугает.

Я замираю.

— Пугает?

— Пугает, что я хочу этого так сильно. — Он смотрит на меня. — И что не уверен, что смогу остановиться.

— Тогда скажи мне то же, что сказал вчера в лесу, — говорю я тихо. — Скажи: не так.

Он молчит.

— Скажи, — настаиваю я.

— Не так, — говорит он, и в голосе у него столько всего. — Не сегодня. Не после крови. Не в дыму. Не так, Мира.

Я киваю.

Встаю. Иду к лестнице. И уже с третьей ступеньки оборачиваюсь.

— Знаешь, что самое страшное? — говорю я. — Не серебро. И не то, что на дом напали. Самое страшное — что я понимаю Элиану. Всю её. Каждое слово. Я читаю дневник женщины, которая умерла триста лет назад, и это как читать собственное будущее.

Кайр смотрит на меня с кресла. Молча.

— Я не боюсь быть твоей, — говорю я. — Я боюсь стать чужой судьбой.

И ухожу наверх.

Утром Дамиан спускается ко мне. Умытый. Одетый. Безупречный.

— Они говорят, — сообщает он, — что заказчик им известен под одним именем. Они не знают, кто он. Общаются через посредника. Тот самый, что присылал тебе дневник.

— Значит, дневник был приманкой с самого начала.

— Да. Тебя вели с первого дня.

— Зачем?

Он смотрит на меня.

— Пока не знаю, — говорит он. — Но зато я узнал другое. Тот, кто им платил, использовал нашу марку серебра. Наш клинок. Мой личный. Из моего хранилища. — Он делает па-

узу. — В хранилище три ключа. Мой. Отца. И Северина.

Я стою в дверях, в его пальто, которое он давал мне ночью. Держусь за ткань.

— То есть ты хочешь сказать, что человека, отправившего убийц, зовут…

— Пока это только вероятность, Мира, — говорит Дамиан ровно. — Но вероятность я считаю нехорошей.

За моей спиной, от камина, раздаётся хриплый голос Кайра.

— А я считаю, что нам надо найти дневник Элианы целиком, — говорит он. — Все вырванные страницы. Пока их не нашли другие. И пока ты не придумала, что делать с этой твоей меткой.

Я смотрю на запястье. Красно-золотая, она тлеет ровно.

И впервые с того дня, как она появилась, я понимаю, что это не только подарок судьбы.

Это мишень.

Кто-то триста лет убивает таких, как я, и забирает их записи. Что если дневник Элианы был не письмом из прошлого, а списком имён? Что если каждая Связующая, которую убивали после неё, оставляла след? И что если этот след ведёт в мой дом прямо сейчас?

Через связь я чувствую, как Дамиан и Кайр одновременно замирают, читая это во мне.

— Мы найдём их, Мира, — говорит Кайр.

— Да, — говорит Дамиан.

Они впервые произносят это вместе. Одно и то же слово. Одно и то же обещание. Мне. Мне одной.

Я стою между ними, и метка на моём запястье тлеет ярче, чем раньше.

ГЛАВА 13. ТРОЕ В ОДНОЙ КОМНАТЕ

Кайр не идёт наверх сам.

Мы ведём его вдвоём с Дамианом. Это длится мучительно долго. Огромный альфа повис между нами, тяжелее, чем кажется, и каждый шаг даётся ему болью, которую я чувствую через связь как свою собственную. Волк не может обернуться. Волк не может залечить рану. Волк не может даже выпрямиться до конца, потому что «живое серебро» уже разошлось по крови и жжёт его изнутри.

Мы дотаскиваем его до спальни на втором этаже. Он падает на кровать, и от падения лопается подушка. Пёрышки оседают на покрывале и на его плечах, и он смотрит на них неподвижно, как ребёнок.

Я не видела его таким.

Он вытянулся во всю длину. Огромный, дышащий хрипло, с влажным лбом. Бок перевязан неловко, салфетки от крови белеют и пачкаются. Лоб в испарине. Пальцы сжимают одеяло.

— Не надо, — говорит он. — Я в порядке.

— Ты не в порядке, — говорю я.

— Я альфа.

— Ты раненый альфа. Это другое.

Он молчит. Но не спорит. Хороший знак.

Дамиан стоит у изголовья. Он смотрит на Кайра тем самым взглядом, которого я раньше не понимала. Теперь понимаю. Это взгляд того, кто впервые за двести лет видит врага беспомощным и не хочет этим пользоваться.

— У тебя жар, — говорит он.

— У меня не бывает жара.

— Сегодня бывает. Тридцать восемь и восемь.

— Ты что, мерил?

— Нет. Я на глаз знаю.

Кайр издаёт звук, который я в первый момент принимаю за кашель. Потом понимаю, что это смех. Слабый, сдавленный, но смех.

— Двести лет, — говорит он, — и наконец-то на что-то пригодилось твоё мёртвое чутьё.

— Оно и раньше пригождалось, — отвечает Дамиан. — Просто ты не замечал.

В этом спокойном обмене репликами столько всего, что я застываю на секунду. Они не друзья. И не станут ими, может, никогда. Но что-то между ними меняется. Медленно, маленькими шагами, как меняется камень под водой.

Я остаюсь.

Дамиан приносит таз с тёплой водой, чистые полотенца, бинты, какие-то травы в жестяных баночках, чей запах я не знаю. Он говорит: вампирские травы. От воспаления. Я не спрашиваю, что в них. Я кладу руку на его ладонь, забирая

баночку, и наши пальцы встречаются на секунду. Ни один из нас не отстраняется.

Я промываю рану. Кайр сквозь зубы ругается. Я говорю ему не ругаться, потому что от ругани напрягается пресс, и от этого ране больнее. Он орёт, что у него нет пресса, у него сплошные кости. Дамиан тихо говорит с другого конца комнаты, что если у него, у Дамиана, есть глаза, то пресс у альфы имеется, и он даже впечатляет. Кайр кидает в него подушкой.

Подушка не долетает.

Они оба смеются.

Тихим, коротким, будто сами не верят, что умеют.

Я не смеюсь. Я держу тряпку и смотрю, как на моих руках Кайр, огромный Кайр, тихо улыбается. И от этой улыбки у меня внутри всё переворачивается. Тепло. Не похоть. Не страх. Тепло, от которого я готова сидеть вот так всю ночь, промывая ему рану, лишь бы он не переставал улыбаться.

Кайр засыпает в четыре утра.

Я сижу в кресле у его постели. Ноги поджаты, в его футболке, которую я надела вместо ночной рубашки, потому что она пахнет им. Дамиан приносит второе кресло. Ставит его напротив моего. Садится.

Мы молчим.

Он смотрит на спящего волка. Я смотрю на спящего волка. Огромный, беспомощный, дышит неровно, иногда вздрагивает во сне, будто бежит по лесу за добычей. Пальцы его всё время ищут что-то рядом и не находят.

— Я его почти не знаю, — говорит Дамиан тихо. — Мы встретились двести лет назад в первый раз. Второй раз — неделю назад. За это время он трижды спас мне жизнь, а я дважды пытался его убить.

— Почему ты его не убил, — спрашиваю я.

— В тот момент я думал, что не мог. Была нужна ты.

— А теперь?

Он молчит долго. Смотрит на спящее лицо Кайра.

— Теперь, — говорит он наконец, — я не могу. Без «нужна ты».

Я перевожу на него глаза. Он смотрит на меня.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю.

— Это не то же самое, что «я не хочу». Это другое. Это…

— Я знаю, что это.

Мы молчим. В комнате дышит, храпит слегка, ворочается Кайр. Ветер шумит в старом саду. Где-то далеко, у самого порога слышимости, скребётся по черепице дождь. Не тепло. Не холодно. Правильно.

Так правильно, что я почти боюсь дышать, чтобы не спугнуть.

Кайр просыпается в пять.

Он открывает глаза сразу, как будто не спал. Первый взгляд — на потолок. Второй — на меня. Третий — на Дамиана. На лице его отражается мгновенное непонимание. Потом понимание. Потом что-то ещё, чего я не ожидала.

Смятение.

— Вы вдвоём, — говорит он.

— Вдвоём, — говорит Дамиан.

— И не подрались.

— Не подрались.

— И не пытаетесь придушить друг друга.

— Нет.

Кайр откидывается на подушку и смотрит в потолок долго.

— Тогда я, пожалуй, могу умереть спокойно, — говорит он.

— Не говори так, — говорю я.

— Я шучу. — Он улыбается. — Ужасная шутка. Прости.

Он поворачивает голову ко мне.

— Мира.

— Да.

— Не уходи.

Я смотрю на него. На огромного альфу, который голыми руками разносит половину городской вампирской верхушки, а сейчас смотрит на меня так, будто я единственное, что держит его на этой земле.

— Не уйду, — говорю я.

Его рука находит мою. Огромная, горячая, слегка влажная от испарины. Он держит мою ладонь бережно, будто это что-то хрупкое. От этой бережности у меня сжимается горло.

Дамиан встаёт. Медленно, чтобы не напугать, подходит к

постели с другой стороны. Смотрит на Кайра.

— Я тоже останусь, — говорит он.

Кайр переводит на него глаза. Усталые. Тяжёлые. И в этом взгляде столько всего, что я почти не могу смотреть.

— Почему, — говорит он.

—— Потому что я обещал ей, — говорит Дамиан, — что не брошу её одну.

— Ты обещал не это. Ты обещал не мешать.

— Я переформулирую. Я не брошу её одну в комнате с раненым волком. Так лучше?

Кайр смеётся. Слабо. Потом кашляет. Потом закрывает глаза.

— Ладно, — говорит он. — Оставайся. Только не читай мне свои проповеди.

— Я не читаю проповеди.

— Ты всё читаешь проповеди. Мне триста лет, я знаю.

Дамиан молча садится.

Он берёт со столика мокрое полотенце и меняет его на лбу у Кайра. Медленно, осторожно. Кайр на секунду открывает глаза. Смотрит на Дамиана. Не отстраняется. Закрывает глаза.

Это длится один вдох.

Но я чувствую через связь. Через обе нити.

Обе нити гудят ровнее, чем утром.

Я не помню, когда засыпаю.

Просыпаюсь от того, что в комнате светло. Светло по-на-

стоящему, утром, серым и мягким. Я в кресле, под пледом, который меня никто не укрывал, потому что я не укрывалась. Дамиан сидит в кресле напротив. Спит. По-настоящему спит, впервые за всё время, что я его знаю. Голова чуть склонилась набок, веки закрыты, лицо спокойное.

А в постели Кайр лежит не один.

Он спит на спине, огромный, безмятежный, и его рука лежит поверх одеяла. На его руке лежит рука Дамиана. Просто накрывает. Так, как дети держатся друг за друга во сне. Не специально. Просто тела нашли друг друга.

Это самое странное и самое теплое, что я видела за последние дни.

Я тихо встаю.

Обхожу комнату. Проверяю повязку. Свежая кровь не сочится. Температура вроде спадает. Я кладу ладонь на лоб Кайра. Он не открывает глаз. Но что-то бормочет. «Не уходи». Тихо, сквозь сон. Я не ухожу.

Я подхожу к окну.

Внизу, у ворот, стоит машина.

Знакомая.

Серая.

Северин приезжает в полдень.

Я спускаюсь первой. Он стоит в холле, в пальто, перчатки в руке, лицо доброе, усталое, чуть встревоженное. Такой взгляд бывает у человека, который приехал помочь и боится, что опоздал.

Мы здороваемся. Он оглядывает меня.

— Ты не пострадала?

— Нет.

— Слава богу. — Он оглядывает лестницу. — А где мальчики?

— Наверху. Один ранен. Второй спит.

— Ранен? — лицо его меняется. — Кто?

— Кайр.

Он поднимается наверх, я за ним. В спальне Кайр уже не спит. Дамиан тоже. Оба сидят с таким видом, будто никогда в жизни не спали и уж точно не держались за руки.

Северин замечает всё. Но не подаёт виду.

Он подходит к постели. Смотрит на повязку. Просит разрешения посмотреть. Кайр скалится, но позволяет. Северин аккуратно отгибает край бинта, разглядывает серые края раны, качает головой.

— Живое серебро, — говорит он тихо. — Варварство. Откуда у них такое.

— Мы тоже хотели бы знать, — говорит Дамиан.

Северин выпрямляется. Смотрит на племянника долго.

— Я нашёл кое-что, — говорит он наконец. — Не хотел говорить при всех. Но раз уж речь зашла о серебре… вам надо это услышать. — Он из внутреннего кармана достаёт папку. Тонкую, кожаную, с застёжкой. — Я нашёл в архиве рода. Бумаги трёхсотлетней давности. Имена двух мужчин, которые подписали приказ об убийстве Элианы. Оба.

Тишина падает такая, что слышно, как шумит ветер в саду.

Дамиан смотрит на папку. Кайр смотрит на папку. Я смотрю на папку.

— Назови, — говорит Дамиан.

Северин открывает папку. Достаёт сложенный лист, старый, очень старый, с двумя подписями внизу. Разворачивает его. Кладёт на одеяло перед Кайром.

— Первая подпись, — говорит он ровно. — Каспар Вейр. Мой и твой предок, Дамиан. — Он делает паузу. — Вторая подпись. Ард из рода Гревир. Волк. Старейшина стаи.

Кайр смотрит на лист долго.

Потом сильно, тяжело, закрывает глаза.

— Гревир, — говорит он тихо. — Это мой род.

— Да, — говорит Северин. — Старейшина Ард. Твой прямой предок по линии отца. Тот, чей портрет висит в главном зале вашей усадьбы. Тот, о чьей доблести тебе рассказывали с детства.

Кайр открывает глаза.

Дамиан отворачивается к окну.

Я стою в дверях и смотрю, как две подписи, сложенные вместе, играют с нами в одну и ту же игру.

Обе стороны виноваты.

И вот Северин стоит между ними с этой папкой и улыбается мягко, добро, сочувственно, и говорит:

— Я говорю это не чтобы разжечь вражду. Я говорю, что-

бы вы знали: вина лежит на обеих сторонах. И никто из вас не должен брать её на себя. Ни один. Ни второй. — Он вздыхает. — Может быть, теперь вы поймёте, что никакой разницы между вами нет. И что ваш союз не сделает ничего хуже, чем уже сделали ваши предки.

Дамиан молчит.

Кайр молчит.

Я смотрю на Северина.

Он говорит мягко. Он говорит верно. Он говорит то, что должно примирить их, а не поссорить.

И всё же что-то во мне звенит тихо и нехорошо. Не потому что он лжёт. Не потому что это неправда.

А потому что это слишком удобно.

Он уезжает через час.

Мы провожаем его до машины. Он жмёт руку Дамиану, кивает Кайру, улыбается мне. Садится, заводит мотор, уезжает.

Мы стоим у ворот.

Дамиан смотрит на дорогу. Кайр опирается на мой локоть — ему не положено ходить, но он вышел, потому что не хотел, чтобы Северин видел его слабым.

— Он говорит правду, — говорит Кайр тихо. — Насчёт подписей.

— Правду, — соглашается Дамиан.

— И всё же.

— Да. И всё же.

Я смотрю на них обоих.

— Что «всё же»?

Дамиан молчит.

Кайр смотрит на меня.

— Что он сказал это слишком кстати, — говорит он. — Сегодня. Именно сегодня. Когда мы в шаге от того, чтобы доверять друг другу. Именно в этот момент он приносит бумаги, которые делят вину между обеими сторонами.

Дамиан кивает. Медленно.

— Мой дядя, — говорит он, — двести лет учил меня, что любой союз с волками приведёт род к гибели. Полгода назад был уверен, что тебя, Мира, надо передать совету. — Он смотрит на меня. — А сегодня он говорит, что наш союз — благо. И приносит мне прощение в кожаном переплёте.

Мы стоим и молчим.

Ветер несёт с поля первую изморозь.

— Мы ничего не знаем, — говорю я наконец.

— Знаем, — говорит Кайр.

— Что?

Он смотрит на меня.

Дамиан смотрит на меня.

И оба они говорят одновременно.

— Мы знаем, что тебе врали. Обе стороны. И один из нас врал громче.

Я смотрю на них. Огромного раненого волка и безупречного, тихого вампира. Двух мужчин, которые всю жизнь

ненавидели друг друга и впервые за три столетия стоят рядом у одних ворот.

И понимаю, что я больше не между ними.

Я между ними и тем, кто хочет нас рассорить.

Это уже совсем другое место.

ГЛАВА 14. МОЙ ВЫБОР

Ночью Кайр спит.

Я стою над его постелью и смотрю на него долго. Огромный, поверженный, дышащий ровно, наконец-то без жара. Рука лежит поверх одеяла, пальцы поджаты к ладони, будто он всю жизнь так спит в лесу. Серебро ещё гуляет в его крови, но волк уже борется. Дамиан сказал, что через два дня он сможет встать. Через неделю сможет обернуться. Я верю Дамиану. Я верю всем его словам, хотя знаю, что, возможно, не должна.

Я ухожу тихо. Закрываю за собой дверь.

Дамиан ждёт меня на лестнице.

Он не сидел в темноте, не подслушивал. Он просто стоял, облокотившись о перила, и смотрел в сад. Как будто знал, что я выйду именно сейчас.

— Он спит, — говорит он.

— Спит.

— Хорошо.

Он не двигается с места. Даёт мне пройти первой. Мы вместе спускаемся в гостиную. Камин ещё горит, но уже потихоньку затухает, огонь ушёл в угли, и в комнате поселился тот особенный уют, который бывает только тогда, когда все дела на сегодня сделаны.

Я сажусь на диван. Он садится в кресло напротив. Между

нами журнальный столик, на котором стоит та самая синяя чашка с отбитым краем.

— Я хочу тебя спросить, — говорю я.

— Спрашивай.

— Тогда, в переулке. Когда Кайр схватил меня первым. Ты мог меня забрать у него сразу. Ты не забрал.

— Мог.

— Почему.

Он смотрит на камин.

— Потому что, если бы я забрал тебя тогда, ты бы запомнила меня как похитителя, — говорит он. — А я не хотел, чтобы ты меня запомнила так.

— А как ты хотел, чтобы я тебя запомнила?

Он не отвечает.

Он смотрит в камин, и я вижу, как в его лице что-то борется. Двести лет выдержки. Двести лет умения не показывать, что чувствуешь. Двести лет привычки держать всё под контролем. И я вижу, как это всё медленно даёт трещину.

Я встаю.

Он не двигается.

Я обхожу столик. Я встаю перед ним. Он поднимает на меня глаза.

— Мира.

— Да.

— Что ты делаешь.

— То, что хочу. Сама.

Я опускаюсь на колени перед его креслом. Так, чтобы наши лица были на одном уровне. Он в кресле, я на полу, но это не про подчинение. Это про то, что я выбираю сама, когда и как. Он это понимает. Я вижу это по глазам.

Я кладу ладони ему на щёки. Прохладные, гладкие, безупречные. Он под моими руками совершенно неподвижен. Он даже не дышит, я думаю. Я не могу вспомнить, дышит ли он вообще.

— Я тебя не люблю, — говорю я. — Пока.

— Знаю.

— Я не знаю тебя. Я знаю о тебе. Это другое.

— Знаю.

— Я не выбираю между вами. Я не выбирала и не буду.

— Знаю.

— Но я хочу это сделать. И я хочу это сделать сейчас. И это моё. Это не реакция и не благодарность. Это моё решение. Ты понимаешь?

Он смотрит на меня долго. Потом очень медленно кивает.

И я его целую.

Он не отвечает сразу.

Секунду, две, три он остаётся неподвижен. Я почти пугаюсь. Но потом чувствую через связь — а связь между нами открыта целиком, ни одной преграды, — чувствую, как в нём рушится что-то. Стена, которую он держал двести лет, рушится вся сразу, без предупреждения, и я на секунду теряюсь, потому что за стеной так много всего, что не помеща-

ется в одно чувство.

Голод. Немыслимый. Не по крови. По мне. По тому, чтобы кто-то был рядом и не уходил.

Одиночество. Двести лет без единого касания, которое не было бы вежливостью или расчётом.

Нежность, такая огромная, что я не знаю, что с ней делать.

Страх.

Он боится. Двухсотлетний вампир, старейшина рода, тот, кто одним движением ломает чужие шеи, боится — и это страшно ранит меня через связь.

Я держу его лицо в ладонях и целую дальше.

И он отвечает.

Он отвечает медленно, нежно, так, как не отвечают те, кто привык брать. Его рука поднимается и ложится мне на затылок, пальцы путаются в моих волосах, притягивают не сильно, не грубо, только чуть-чуть, чтобы я поняла, что он здесь. Другая рука ложится мне на талию — поверх футболки — и остаётся там, ровная, прохладная, дрожащая.

Дрожащая.

Я чувствую, как его пальцы дрожат на моей талии.

Он, безупречный, отмеренный, ледяной, дрожит под моими губами.

Это горячее, чем я могла представить.

Я углубляю поцелуй, и он отвечает глубже, и я ощущаю через связь, как весь он идёт ко мне навстречу — не телом только, а всем, что в нём есть. Он кусает мою нижнюю губу,

осторожно, клыками, и я стону ему в рот, и он отвечает коротким, глухим звуком, и от этого звука меня прошивает от корней волос до пяток.

Внизу живота собирается тягучее, горячее. Грудь тяжелеет под тонкой тканью. Я чувствую, как напрягаются соски, и мне невыносимо стыдно и хорошо одновременно. Я прижимаюсь к нему сильнее, почти сажусь на подлокотник кресла, и он отпускает талию и обхватывает меня целиком, поднимает, сажает к себе на колени.

Я оказываюсь между его колен, на нём, и это уже не поцелуй, это что-то другое, что-то, от чего у меня подгибаются пальцы на ногах. Я держу его за плечи, он держит меня за талию, и наши сердца — одно живое, одно мёртвое — стучат в одном ритме через связь.

Он стонет. Глухо, отчаянно, в самое моё горло.

И останавливается.

Его руки сжимаются на моей талии. Не отталкивая. Просто останавливая. Он отрывается от моих губ, но не отстраняется, держит лоб у моего лба, тяжело дышит. Тяжело дышит вампир. Это я его так.

— Стой, — говорит он хрипло.

— Что.

— Стой. Пожалуйста.

Я замираю. Я не двигаюсь. Я даю ему выбраться.

Он выравнивает дыхание. Медленно, с усилием, как пловец, выбравшийся из водоворота. Потом отстраняет меня на

расстояние вытянутой руки. Смотрит на меня долго.

— Ты сейчас хочешь меня, — говорит он.

— Да.

— Очень хочешь.

— Очень.

— И я хочу тебя так, что не помню себя. — Он делает паузу. — Мира. Я двести лет не помню себя. Это в первый раз.

Я смотрю на него.

— Тогда почему ты останавливаешься.

Он смотрит на меня долго. Потом убирает руки с моей талии. Не потому что не хочет. Потому что не доверяет им.

— Потому что я хочу, чтобы завтра ты тоже выбрала меня, — говорит он.

Я молчу.

— Если я возьму тебя сейчас, — продолжает он тихо, — я возьму тебя в момент. Сегодняшний. Когда дом в дыму, волк ранен, а ты устала и напугана. Завтра ты проснёшься и не будешь знать, было ли это твоим или моим. — Он качает головой. — Я не хочу, чтобы ты потом думала, что я взял тебя, пока ты не решила.

Я смотрю на него. На двести лет контроля, который всё ещё здесь, под его кожей, всё ещё держит его. На руки, которые дрожат у меня на подоле. На клыки, которые он держит, прижатыми к верхней губе.

Он остановился. Первый раз в двести лет — остановился.

Не потому, что не хочет.

Потому что хочет слишком сильно.

— Тогда я скажу тебе кое-что, — говорю я.

— Скажи.

— Я хотела сделать это раньше. Я думала об этом со второго дня. И я решилась не потому, что сегодня было страшно. Я решилась потому, что сегодня я наконец поняла одну простую вещь. — Я поднимаю глаза. — Если что-то случится, если кто-то из нас не доживёт, если мы окажемся в том же месте, где оказалась Элиана, я не хочу, чтобы последнее, что я помню, было то, как я всё время медлила.

Он долго смотрит на меня.

— Ты не Элиана, — говорит он наконец.

— Я знаю. — Я касаюсь его лица. — Но я тоже не хочу умирать нецелованной вампиром, которого выбрала сама.

Он закрывает глаза.

Потом открывает.

Потом наклоняется и целует меня в лоб.

Не в губы. В лоб. Долго, тихо, как целуют святыню, которую боятся задеть.

— Завтра, — говорит он, — если ты захочешь ещё раз. Я буду ждать завтра.

— А если завтра я не захочу?

— Тогда не захочу и я.

— Но ты же…

— Я двести лет ждал, — говорит он просто. — Ещё день

ничего не изменит.

Я сижу у него на коленях. Больше не делаю ничего. Мы просто дышим вместе, лбами друг к другу. Нежность. Тепло. И в этой нежности всё правильно, ровно так, как должно быть.

Он гладит меня по спине. Я кладу голову ему на плечо.

И через связь, через обе нити, я чувствую, как с той стороны дома, из спальни раненого волка, приходит глухая волна.

Кайр.

Он не спит.

Он всё чувствует. Через связь. Как я целовала другого. Как он дрожал под моими руками. Как я стонала.

И не может ничего с этим сделать.

Волна проходит, и в ней столько всего, что у меня перехватывает дыхание. Ревность. Острая, режущая, горячая. И злость на эту ревность — потому что он сам мне сказал вчера в лесу: не так, не назло, не сейчас. И теперь не имеет права злиться. И знает это.

И всё равно злится.

И всё равно любит меня ещё сильнее от этой злости.

Я поднимаю голову с плеча Дамиана.

— Он не спит.

— Знаю.

— Мы можем пойти к нему?

Дамиан смотрит на меня.

— Хочешь?

— Хочу.

Он улыбается. Первый раз за все эти дни. По-настоящему. Открыто.

— Идём, — говорит он.

Кайр сидит на постели.

Он бледный. Рана свежая, повязка белая. Он смотрит на нас обоих, когда мы входим, и я чувствую через связь всё, что он пытается спрятать. Ревность. Боль. И под этим — что-то тёплое, чего он сам от себя не ожидал.

Мы не говорим.

Дамиан садится в кресло у постели.

Я сажусь на край постели рядом с Кайром. Он смотрит на меня долго, ничего не спрашивает. Я беру его руку. Просто беру. Кладу себе на колени.

Он не сразу отвечает. Потом его пальцы сжимаются вокруг моих. Сильно. Так, что я знаю: это стоит ему больше, чем любая рана.

— Больно? — спрашиваю я.

— Уже нет.

— А если честно?

— Больно.

— Что больнее.

Он смотрит на Дамиана. Потом на меня. Потом в сторону.

— Рана заживёт, — говорит он. — А это не знаю, как лечить.

Я делаю то, что хочу. Сама.

Я обнимаю его. Просто обнимаю, вокруг плеч, лицом в шею. И чувствую через связь, как он медленно, тяжело, обнимает меня в ответ. Огромный, тёплый, раненый, прижимающий меня к себе так, будто иначе умрёт.

Дамиан ничего не говорит.

Он просто сидит в кресле и смотрит на нас.

В комнате темно. В коридоре горит одна лампа. Ветер шумит в старом саду, и в трубе тихо поёт. Мы дышим. Трое. В одном ритме.

Не разговариваем.

Просто дышим вместе.

И я понимаю: мы можем существовать так. Трое. Не потому что кто-то уступил или выбрал. А потому что так правильно. Просто и правильно.

Утром приходит письмо.

Не посылка. Не бечёвка. Настоящее письмо. Плотная бумага цвета слоновой кости, сургучная печать, оттиск герба. Я видела этот герб вчера. Две луны, соединённые короной.

Я смотрю на конверт в руках Дамиана.

— Это приглашение, — говорит он ровно. — На Бал крови. Через неделю. От совета рода Вейр.

— На чьё имя?

— На твоё.

Я беру конверт. Открываю. Читаю.

«Совет рода Вейр имеет честь пригласить госпожу Миру Соколову на Бал крови. Присутствие Связующей обязатель-

но. Отказ невозможен».

Коротко. Ясно. Как повестка.

Я поднимаю глаза.

— Отказ невозможен.

— Нет, — говорит Дамиан.

Он смотрит на меня. Спокойно. Безупречно. Белый, как полотно.

— Там будет весь Орден, — говорит он. — Тот, о котором мы не знаем. Кто охотится на Связующих. Все, кому ты мешаешь, в одной комнате, за одним столом. Приглашение на бал — это не танцы, Мира. Это вопрос, готова ли ты жить дальше. Отказаться — значит объявить, что тебе есть что скрывать. Прийти — значит войти прямо в пасть.

Его рука находит мою.

— Тебя хотят увидеть, — говорит он. — И я не знаю, кто именно.

Кайр за спиной, на постели, медленно поднимается. Я слышу скрип кровати. Он смотрит на письмо у меня в руках.

— Если ты пойдёшь, — говорит он, и голос его сел, — то не одна.

— Нет, — говорит Дамиан. — Не одна.

Я стою между ними. Письмо в руке. Метка на запястье тлеет жарче, чем всегда.

Через неделю мне нужно будет войти в комнату, полную тех, кто хочет моей смерти.

Со мной туда пойдут двое. Один не может обернуться.

Один не сможет напиться чужими руками.

И один из тех, кто меня туда позвал, возможно, тот самый, кто убил Элиану.

Я смотрю на них обоих.

— Хорошо, — говорю я. — Идём.

И впервые с того дня, как я встретила их в переулке, я точно знаю, что делаю.

ГЛАВА 15. УБЕЖИЩЕ ЭЛИАНЫ

Мы уезжаем на рассвете.

Дамиан ведёт сам. Кайр сидит на заднем сиденье, ещё бледный, ещё не до конца свой, но живой, и от него через связь идёт ровное, тёплое, чуть ворчливое. Ему больно трястись, и он говорит об этом каждые двадцать минут, но в этом ворчании я слышу другое. Он рад, что не остался в доме.

Он рад, что мы не оставляем его.

Дорога идёт на север. Через поля, через серые деревни, через лес, где сосны стоят так густо, что утренний свет до нас не доходит. Мы едем около трёх часов. Трасса заканчивается. Начинается грунтовая дорога. Потом след от колеи. Потом ничего.

Дамиан останавливает машину на поляне.

— Дальше пешком.

Я выхожу. Лес здесь другой. Старше, темнее, молчаливее. Меня с первой секунды прошивает странное чувство: этот лес знает меня. Он мне знаком. Хотя я здесь никогда не была.

Я делаю шаг и понимаю, откуда это чувство.

Запах. Тонкий, выветренный, древний, но запах. Тот же самый, что я почувствовала в мастерской, когда склонилась над дневником в первый раз. Горячий и сухой, как бумага на солнце.

Дневник приносит меня сюда.

Мы идём по лесу около получаса, и всё это время Кайр держится слева от меня, а Дамиан справа. Не потому, что уговорились. Просто встали так. Следую метке на запястье — она тлеет ровнее, чем обычно, будто ведёт.

Мы выходим на дом.

Дом старый, очень старый. Не такой, как особняки вампиров. Деревянный, крепкий, вросший в землю, обшитый от холода на северной стороне. Крыша держится. Печка цела. На двери нет замка. Только засов изнутри, выглаженный веками.

Дамиан останавливается на пороге.

— Это не вампирский дом, — говорит он тихо. — И не волчий. Это дом между.

Кайр упирается рукой в косяк. Под его пальцами дерево вздыхает.

— Три племени строили такие, — говорит он. — Давно. До войны. Чтобы было место, где можно встретиться и не убить друг друга. Я думал, они все развалились.

— Этот не развалился, — говорит Дамиан.

Мы заходим.

Внутри пахнет пылью, старым воском и русской печкой.

Просто. Просто поразительно просто. Одна большая комната со столом, лавками, печью. Лежанки вдоль стен, три, разделённые тонкими занавесками. На полках посуда. На гвозде у двери висит старый тулуп. На столе лежит подсвеч-

ник с обгоревшей свечой.

Мы стоим в центре и молчим.

Я смотрю на лежанки. Три. Одна у стены напротив печи — самая широкая, длинная. Две по бокам — узкие, короткие.

— Она спала в середине, — говорю я.

Дамиан оборачивается ко мне.

— Почему ты так решила?

— Постель широкая одна. И по обе стороны есть проход. — Я подхожу к дальней. — И вот тут она держала бы что-то на ночь. Свечу. Книжку.

Я открываю маленький ящик у изголовья средней лежанки.

Внутри лежит свёрток. Тканый, плотный, промасленный. Я разворачиваю его на столе.

Тетрадь.

Вторая. За ней ещё одна. И ещё.

Шесть тетрадей, все в тёмной коже, все в том же переплёте, что и дневник в моём сейфе. Тот же. Двести лет пролежали здесь. В этом доме. Никто их не тронул. Потому что никто не находил.

Я сажусь за стол.

Руки дрожат.

Кайр опускается рядом на лавку. Дамиан стоит позади, за моим плечом. Оба молчат. Оба ждут, что я скажу.

Я раскрываю первую тетрадь.

Тот же почерк, что в дневнике. Элиана. Только здесь она

пишет не сдержанно, как в том дневнике, что был изъят из стены. Не как документ. Здесь она пишет свободно. Здесь она пишет себя.

Я читаю вслух.

«Сегодня Каспар пришёл ко мне ночью. Он никогда не приходит первым, если не идёт кровь. Но сегодня пришёл. Сел на край постели. Я проснулась и почувствовала его раньше, чем увидела. Он смотрел на меня долго. Потом спросил: почему ты держишь его. Он говорил про Арда. Я сказала: потому что он часть меня. Каспар сказал: тогда я тоже хочу быть частью тебя. И мы не спали до утра. Он ушёл до рассвета, чтобы успеть вернуться в свой дом и сесть за стол как ни в чём не бывало. Мы не должны показывать. Но я вижу его, когда он приходит. И он видит меня, когда я думаю о нём.»

Я останавливаюсь.

Кайр смотрит на меня.

— Ты уверена, что хочешь читать дальше, — говорит он тихо.

— Хочу.

Я читаю дальше.

«Ард спрашивает: ты знаешь, что происходит между тобой и вампиром. Я говорю: да. Он говорит: и это не мешает тебе. Я говорю: это течёт через меня. Он молчит. Он часто молчит. Но потом кладёт голову мне на колени и закрывает глаза, и я понимаю, что он не ревнует. Он просто боится. Ард боится не того, что я уйду к другому. Он боится того, что

я уйду совсем. Кто-то из его стаи сказал ему когда-то, что все женщины в конце концов уходят. Я думаю, ему никто не говорил, что могут остаться.»

Кайр отворачивается.

Через связь я чувствую, как в нём всё замирает. Прочитанное вошло в него слишком глубоко, глубже, чем он ожидал. Он, наверное, не думал, что дневник может попасть вот так, прямо в его личную трещину. Триста лет назад женщина описала в точности то, чего он сам боится. Она его не знала. И тем не менее знала.

Я продолжаю.

«Они ненавидят друг друга. Они это говорят мне оба. Они уверены, что это навсегда. Но вот что я вижу, чего они сами не видят. Когда один из них боится, второй это чувствует через меня. Когда один ранен, второй не спит ночью. Каспар дважды присылал лекарства, когда Ард был ранен на охоте. Ард один раз спас ему жизнь, и до сих пор не знает, что Каспар это помнит. Они не умеют говорить друг с другом. Они даже не умеют признать, что слышат друг друга. Но слышат. Через меня. Всё, что они чувствуют друг к другу, всегда проходит сначала через меня. Я не делю их. Я держу их вместе. Это не помеха. Это моя работа.»

Я закрываю тетрадь.

Кайр сидит, не двигаясь.

Дамиан стоит за моей спиной.

Оба молчат. Оба очень молчат.

Я поворачиваюсь к Дамиану.

— Ты чувствуешь его? — спрашиваю я.

Дамиан долго не отвечает. Потом говорит ровно:

— Со вчерашнего дня. С того момента, как мы сидели у его постели. Я чувствую, когда он боится. Когда злится. Когда спит. Не словами. Не мыслями. Просто как ток. — Он делает паузу. — Я не знаю, что с этим делать.

Кайр медленно поднимает голову.

— А я двести лет думал, что ваша порода не чувствует вообще ничего, — говорит он глухо. — А ты, оказывается, чувствуешь.

— Оказывается.

— И как тебе это.

— Ужасно.

Кайр смотрит на него.

Потом улыбается краем рта.

— Мне тоже, — говорит он.

Я читаю следующие тетради до вечера.

Элиана описывает всё. Как её выбрали оба, один за другим, в одну и ту же неделю. Как они пришли к ней врозь, ничего не зная друг о друге, и как она поняла сразу, что это не совпадение. Как она объяснила им это и как оба сначала не поверили. Как они пытались делить её время — так же, как Кайр и Дамиан пытаются сейчас. Как она им говорила: не делите меня, делите вашу ненависть. Как они учились разговаривать друг с другом — не сразу, через неё, годами.

«Сегодня Ард согласился сесть за один стол с Каспаром. Это длилось всего один ужин. Они говорили о лошадях. Ничего важнее они так и не сказали. Но они сели. Это огромно. Я сказала им обоим, что это подарок. Ни один не признался, что доволен.»

Я читаю дальше.

И постепенно, страница за страницей, в моём сознании выстраивается общая картина.

Связующая не просто держит двух мужчин. Связующая — это центр, через который вампир и оборотень начинают чувствовать друг друга. Без неё они не видят друг в друге ничего, кроме врага. С ней они впервые видят человека по ту сторону. Со временем, если Связующая удерживает эту связь, через неё формируется связь между ними самими. Их нельзя помирить напрямую. Их можно помирить только через неё. Как через посредника, как через проводник, как через кровь.

Я закрываю последнюю тетрадь и смотрю на них двоих.

Кайр сидит на лавке. Дамиан стоит у печи, облокотившись на стену, и смотрит в пустой зев.

— Я понимаю, — говорю я тихо. — Я понимаю, зачем её убили.

Они оба смотрят на меня.

— Если Связующая может мирить вампиров и оборотней, — говорю я, — и делать это через единственно работающий способ, значит, война заканчивается. Значит, триста

лет ненависти, на которой построены города, состояния и семьи, обнуляются. Значит, тем, кто на этой войне зарабатывает, становится нечего делать. — Я поднимаю глаза. — Поэтому убивают не одну Связующую. Убивают всех. Как только одна появляется. Чтобы всегда был повод продолжать.

Кайр молчит.

Дамиан молчит.

Я открываю последнюю тетрадь. На самом последнем, чистом листе, почерком Элианы, уже неспешным, очень аккуратным, будто она выводила буквы долго, выверенно:

«Если ты читаешь это, новая сестра, — беги. Орден не умер. Орден ждёт тебя».

Я поднимаю голову.

— Орден, — говорю я. — Не совет. Не род. Орден.

Кайр встаёт с лавки.

— У вампиров нет Ордена, — говорит он, глядя на Дамиана. — Есть роды, есть советы, есть старые семьи. Но никакого Ордена нет.

Дамиан долго молчит.

— У родов нет, — говорит он наконец. — Но у старых семей есть. И закрытые круги внутри этих семей тоже есть. Такие, куда не пускают даже членов рода. Наша семья их не жалует. Как и семья Гревиров, — он смотрит на Кайра. — Ваш род так же молчалив о них, как и наш. Обе стороны не признают их существование.

— Это значит, — говорю я, — что Орден есть у обеих

сторон. И он не подчиняется ни вампирам, ни волкам. Он подчиняется сам себе.

Дамиан кивает.

— Да.

— И он помнит Элиану, — говорю я. — И он ждёт меня. Так, как ждал её.

Я поднимаю руку и смотрю на метку на запястье. Красно-золотая. Тлеет ровно.

— Через неделю, — говорю я, — я войду в комнату, полную вампиров на Бал крови. Если Орден существует на самом деле, если он ждёт меня, он будет там. И там же будут те, кто в этот Орден входит.

Я закрываю тетрадь.

Кладу её сверху на остальные.

— Тогда решим, — говорю я. — Пусть приходят.

Кайр подходит ко мне. Медленно, ещё прихрамывая. Накрывает ладонью мою руку на тетрадях. Дамиан подходит с другой стороны. Кладёт свою поверх нашей. Мы стоим. Трое. Руки одна на другой. Метка светит сквозь пальцы.

В этой комнате, где триста лет назад женщина, очень похожая на меня, держала двух мужчин, очень похожих на них, я вдруг понимаю абсолютно ясно, без всяких магических связей:

Я делаю то же.

И я знаю, чем это закончилось для неё.

Знать не означает остановиться.

ГЛАВА 16. БАЛ КРОВИ

Мы едем в город вечером.

Я сижу на заднем сиденье, в чёрном платье, которое прислали из дома Вейров вместе с приглашением. Платье длинное, до пола, с открытой спиной. Ткань тяжёлая, плотная, винного цвета, и в отблесках уличных фонарей она кажется почти чёрной. На мне чужие серьги, чужие духи, чужая причёска, уложенная утром женщиной, которую прислал Северин. Я смотрю на своё отражение в тёмном стекле окна и не узнаю себя.

Не в плохом смысле.

В том смысле, что раньше я бы испугалась этой женщины. Сегодня она мне нравится.

Кайр сидит впереди, рядом с Дамианом. Он в костюме. Огромный, широкий, тёмный, с трудом помещающийся в кресле, и с таким выражением лица, будто его везут на казнь. Через связь я чувствую его раздражение. Костюм ему жмёт. Галстук душит. Туфли непривычно скользят. И ему приходится сидеть смирно, потому что серебро ещё не ушло из крови, и превратиться он не может.

Дамиан в другом конце машины, в безупречном тёмном одеянии, выглядит как всегда. Безукоризненно. Неживо. Спокойно. Но я чувствую через связь и его — эта связь спокойна снаружи и мелко дрожит внутри. Он идёт в свой

дом на Бал, где ничего не прощает никому. И он идёт туда со Связующей, которая носит его метку, и с волком, который носит вторую половину той же метки.

Это вызов.

Мы все трое это понимаем.

Бал проходит в старом особняке, который я видела на фотографиях в архивах, но никогда живым.

Кроваво-красный зал. Это не метафора. Зал действительно кроваво-красный. Стены затянуты атласом цвета тёмной крови, полы чёрного дуба, потолок в позолоте и лепнине. Люстры огромные, свечные, настоящие — вампиры не любят электричество. Всё блестит. Свет свечей дрожит в хрустале, и от этого зал смотрится живым, как что-то дышащее.

Первое, что я замечаю, когда мы входим: все останавливаются.

Слуги. Гости. Музыка.

Всё на мгновение замирает.

И потом, медленно, разговор продолжается — но теперь он идёт о нас. Я вижу, как взгляды всех в зале стягиваются к входу, к нашей маленькой группе, и как никто не смеет сказать что-то вслух. Шёпот. Взгляды. Интерес. Опасность.

Я стою между ними двумя.

Дамиан слева, Кайр справа.

По залу проходит тихая, ошеломлённая волна.

Связующая пришла. И она пришла не одна. Она пришла с вампиром рода Вейр и с альфой волков. Обе половины.

Двое мужчин рядом с одной женщиной. Рука в руке — не в буквальном смысле, никто меня за руки не держит. Просто стоят. Оба. По обе стороны.

Я вижу, как переглядываются вампиры в зале. Как поднимаются брови у одних. Как хмурятся у других. Как кто-то шепчет что-то соседу, а сосед не отвечает, потому что смотрит на меня.

Достаточно. За один вечер. Я уже не игрушка.

Мне тридцать шагов до главного стола.

Мы их делаем.

Северин встречает нас в центре зала.

Он в тёмном, с бокалом в руке, сама доброта, сама мягкость. Целует мне руку. Кивает Дамиану. Кивает Кайру — так, как кивнул бы врагу на похоронах: без тепла, но с соблюдением формы. И ведёт нас к столу.

За столом нас трое. Нас троих обслуживают как гостей, но вокруг — четыре вампирских рода, главы семей, старшие, старейшины, все в тёмном, все с той безупречностью, которая страшнее любой грубости. Три-четыре человеческих женщины сидят между ними, тихие, дорогие, молчаливые — дорогие украшения, привыкшие к тому, что говорить им не обязательно. Я смотрю на них, и одна встречает мой взгляд. Долгий. Понимающий. Женщина, которая знает, что я — человек, и уже понимает, что я здесь не украшение.

Ужин подают сразу.

И вскоре начинается то, за чем я пришла.

Первый ход делает род Кёльнов.

Глава их, худой, старый, с синими прожилками на лице, поднимает бокал в мою сторону и говорит с той ласковой ядовитостью, к которой я уже привыкла за эти дни:

— Связующая. Как трогательно. Мы не видели ни одной за триста лет. И вот — вот она, перед нами, в платье из нашего гардероба, между двумя господами, как между двумя лапами. Дорогой Вейр, вы уверены, что вам досталось от этой женщины больше, чем вашей семье? Может быть, вы поделитесь человеческой игрушкой? Мы старые союзники. Мы умеем быть благодарными.

Он улыбается.

По залу проходит смех. Не громкий. Тонкий. Опасный.

Я чувствую, как Кайр напрягается справа. Как Дамиан медленно опускает вилку. Мы только что сели. Это ещё цветочки.

И я чувствую, как во мне поднимается холод. Не гнев. Что-то гораздо более старое и спокойное. Тот самый холод, который появляется в момент, когда тебя никогда больше не будут заставить молчать.

Я вытираю губы салфеткой.

Медленно. Красиво. Как делают все женщины за этим столом, когда собираются что-то сказать. Я поднимаю глаза и смотрю прямо на главу рода Кёльнов.

— Господин, — говорю я, и голос мой разносится ровно, спокойно, и я слышу, как он ложится в тишину зала, как нож

в масло. — Я вам не игрушка. И не игрушка ваших союзников. Платье принадлежит мне, потому что мне его дали, как гостю, а не как вещи. Если вы старые союзники, вы, вероятно, помните обычаи своего же рода. Гость на Бал крови неприкосновенен. Или этот обычай тоже отменили, пока вы учились острить?

За столом кто-то тихо ахает.

Глава Кёльнов замирает с бокалом в руке.

Я выдерживаю его взгляд.

— Я понимаю, что вы не привыкли, — говорю я мягко, — что женщина, которая ростом вам по плечо, отвечает вам за столом. Я понимаю, что триста лет вашего опыта говорят вам, что этого не бывает. И всё же, — я поднимаю свою воду, — бывает. Потому что я не ваша игрушка, не собственность рода Вейр и не приз ни для кого из присутствующих. Я Связующая. Меня пригласили сюда, чтобы посмотреть на меня. Так смотрите. Но смотреть можно без слов.

Я делаю маленький глоток и ставлю стакан.

В зале дышит так тихо, что я слышу, как потрескивает воск.

Глава Кёльнов медленно опускает бокал.

— Дерзкая, — говорит он тихо.

— Живая, — отвечаю я.

И замечаю, как за столом напротив поднимается рука.

Это вторая атака. Глава рода Венц, женщина. Редкое зрелище для этого дома, но вот она. Красивая, тонкая, старин-

ная. Ей, судя по всему, около четырёхсот. Она смотрит на меня долго и говорит мягко:

— Простите за прямоту, дитя. Вы говорите как человек, который не понимает, во что ввязался. Связующая должна знать о той роли, которую ей отвели. Мы все здесь знаем, чем закончила предыдущая. Я не говорю о том, чтобы вас пугать. Я говорю о защите. Отдайтесь под покровительство одного дома — и вы проживёте гораздо дольше, чем триста лет назад прожила она. Это не оскорбление. Это честность.

— Честность, — повторяю я.

— Да. Мы вам честно говорим, что вас ждёт. Разве это плохо?

— Это нечестно, — говорю я. — Потому что вы говорите о моей жизни как о том, что можно переложить в другой дом. Вы говорите «покровительство» о том, что у людей называется клеткой. И вы предлагаете мне это за столом, где сидят те самые люди, что не смогли защитить предыдущую. Я уважаю ваше желание мне помочь. И я отказываюсь от него. Своей волей. И вам придётся с этим считаться.

Я смотрю на неё долго.

Она выдерживает мой взгляд. Впервые за вечер я вижу в чужом лице не насмешку, не угрозу. Что-то похожее на удивление. И на уважение.

— Вы не хотите выбирать, — говорит она тихо.

— Хочу. И выбираю.

— Тогда что вы выбираете?

— Себя, — говорю я. — И тех, кто рядом. — Я не оборачиваюсь к Кайру и Дамиану. Не показываю на них. Это не жест. Это просто правда. — Связующая — не ваша игрушка и не их трофей. Связующая — то, что между. Раз вы признаёте, что без меня между вами не будет связи, будьте добры, признайте и остальное. Между не принадлежит никому.

В зале тишина.

Я слышу, как сидящий напротив старый вампир отставляет нож. Как женщина справа от него прикрывает рот ладонью. Как кто-то за моей спиной очень тихо, очень уважительно произносит слово, которое я не расслышала, но которое мне явно понравилось.

Я отпиваю воду.

Вечер продолжается.

К концу вечера я знаю главное.

За этим столом уже никто не перебивает меня.

Разговоры идут вокруг, но не через меня. Мне задают вопросы, и я отвечаю. Я не улыбаюсь, когда мне не хочется. Я не молчу, когда могу. Я говорю с открытым лицом, и голос мой разносится по залу так, что сидящие далеко поворачивают головы.

И вот что ещё: обе стороны смотрят на меня по-разному.

Вампиры смотрят с уважением, под которым прячется вопрос: как её перевести под нашу руку. Волки, сидящие у дальнего конца стола, — я замечаю теперь, что среди гостей есть и они, — смотрят с той же оценкой, но противополож-

ного знака: как её перевести под нашу лапу.

А между этими взглядами и мной сидят двое.

Двое, которых я выбрала.

И весь зал видит то, чего им не полагается видеть.

Истинная двоих.

Это невозможно. Это противоречит всем обычаям. Это разрушает триста лет установленных правил. Они смотрят на нас и знают, что смотрят на то, что не должно существовать.

Но оно сидит здесь. За столом. По обе стороны от меня.

Я чувствую через связь, как Дамиан и Кайр впервые за вечер не мешают друг другу. Как в их чувствах нет ревности. Только одно и то же, одинаковое, ровное: мы здесь. Мы вместе. Мы держим.

Я поднимаю глаза.

И замечаю.

Северин, в конце стола, встаёт с бокалом.

Он улыбается мягко, приятно, как всегда. Смотрит на меня. Говорит:

— За Миру. Не за Связующую. За женщину, которая держит двоих и остаётся собою.

Он поднимает бокал.

Весь зал поднимает бокалы за меня.

Потому что Северин Вейр сказал. Потому что он старший, уважаемый, он родственник её мужа, и если он встал, значит, встаёт весь стол.

Я тоже поднимаю свой бокал.

И в этот момент я вижу его руку.

Он держит бокал левой рукой, и я вижу на его указательном пальце перстень. Тонкий, старинный, серебряный. С широкой плоской печатью.

На печати — символ.

Я узнаю этот символ сразу.

Две луны, соединённые короной. И между лунами, по центру, идёт тонкая черта, волнистая, как разлом. Черта, соединяющая две половины в одну.

Я видела этот символ.

Не в дневнике. Не на гербе рода Вейров.

На той вырванной странице из дневника Элианы. На обгоревшей, которую принесли мне на порог. Там, внизу, под последней строкой, где текст был отпечатан слабо, я видела такой же знак. Тот же рисунок. Тому же почерк.

Это был не орнамент.

Это была подпись.

И она сейчас на пальце Северина.

Я держу бокал и улыбаюсь ему. Улыбаюсь мягко, ровно, как подобает воспитанной гостье.

Он улыбается мне тем же.

Я чувствую через связь, как Дамиан и Кайр одновременно поворачивают взгляд туда, куда смотрю я. Как они видят перстень. Как понимают.

И весь зал, поднимая бокалы за меня, не знает, что сейчас в этой комнате произошло.

А произошло вот что.

Тот, кто прислал мне обгоревшую страницу дневника Элианы, стоит в трёх шагах от меня и пьёт за моё здоровье.

ГЛАВА 17. ПЕРВАЯ НОЧЬ

После третьего тоста музыка меняется.

Оркестр играет на другом конце зала, длинная тягучая вещь, старинная, я таких не слышала. Вампиры выходят из-за стола и танцуют медленно, будто им нет конца времени. Я сижу между двумя своими и чувствую, как оно подступает. То, чего я весь вечер боялась и весь вечер ждала.

Дамиан встаёт.

Он не спрашивает разрешения. Он просто встаёт, обходит стол и останавливается передо мной.

— Потанцуй со мной.

В зале на нас смотрят все.

Кайр медленно поднимает голову. Через связь я чувствую, как в нём поднимается то самое — ревнивое, злое, горячее. Он всю неделю учился держать это в себе, и сейчас ему тяжело. Но он видит мой взгляд. Я смотрю на Дамиана и не отвожу глаз. Кайр видит — понимает — опускает взгляд в бокал.

— Иди, — говорит он тихо.

Я беру руку Дамиана.

Мы выходим в центр зала.

Он ведёт.

Танго. Я думала, вампиры не танцуют танго. Но, видимо, все эти триста лет вражда между родами отмеряется как раз

количеством подобных вещей, о которых я ничего не знаю. Он ведёт уверенно, спокойно, чувствуя каждое моё движение прежде, чем я его делаю. Его рука на моей спине. Прохладная ладонь через тонкую ткань. Танцует он так, как делает всё остальное. Идеально.

— Ты весь вечер держалась молодцом, — говорит он тихо. Только для меня.

— Я держалась достойно.

— Это не одно и то же.

— Нет.

— Ты заметила перстень.

— Заметила.

— И?

— И теперь понимаю, что мы в самом деле в пасти.

Он кружит меня. Я меняю направление. Он снова берёт ведение. Мы движемся по паркету так, будто сто лет танцевали вместе. Всё вокруг смотрит.

— Дамиан.

— М.

— Если Северин тот, кем кажется, — говорю я тихо, — он всё это время вёл меня. С самой первой страницы.

— Я знаю.

— Он твой дядя.

— Я знаю.

— Что ты будешь делать?

Он молчит так долго, что мы делаем полный круг.

— Пока не знаю, — говорит он тихо. — Двести лет я считал его самым честным в семье. И вот оказалось, что он один из тех, кто давал мне правила, по которым я жил. — Он делает ещё круг. — Если я ошибусь на счёт него, я ошибусь не в нём одном. Я ошибусь в себе. Так, как ошибался во всём двести лет.

Я поднимаю глаза. Очень близко вижу его лицо. Безупречное, спокойное, как всегда. Но через связь я знаю, что за этим лицом сейчас.

Не страх. Хуже. Стыд.

Двести лет он жил по чужому уставу и был уверен, что это его собственный.

— Ты не ошибаешься, — говорю я, — если сейчас уже признал это.

Он не отвечает. Но что-то в его взгляде меняется.

И в это мгновение музыка меняется, а Кайр встаёт.

Нас никто бы не перебил. Он вышел из-за стола — огромный, в тесном костюме, всё ещё бледный после серебра, — и пошёл прямо к нам. Вампиры сами расступились.

Дамиан поворачивается к нему.

— Волк.

— Дай, — говорит Кайр.

Одно слово.

Дамиан смотрит на него секунду. Долгую, спокойную, ту, которую вся комната заметила. Потом делает шаг назад. Поворачивается. Отходит к столу. Садится. Берёт бокал.

Он не протестует.

Он уступает. Публично. Я стою и не знаю, что это значит. Через связь чувствую. Это не капитуляция. Это уважение. Он признал право Кайра на этот танец. Он признал его право на меня.

Кайр берёт мою талию. Осторожно, как всегда, потому что он боится своей силы. Мы начинаем танцевать.

Он не умеет.

Он вообще не умеет.

Он наступает мне на подол, я спотыкаюсь, он ловит меня, мы разворачиваемся. Я слышу, как кто-то из зала тихо смеётся. Я слышу, как сам Кайр смеётся в бороду, потому что в танце он явно проигрывает впервые за всю вечернюю борьбу.

— Зачем ты это делаешь, — шепчу я.

— Что?

— Забрал меня на середине его танца. На глазах у всего зала.

— Затем, что я тоже хочу тебя держать при них всех. — Он наклоняется. — Не дай ему показать, что я не умею. — И он кружит меня так неумело и так настойчиво, что я смеюсь вслух, в первый раз за вечер.

И вот тут я всё понимаю.

Есть мгновение, когда решение приходит само.

Я стою в центре кроваво-красного зала, посреди вампиров, которые клянутся мне в покровительстве и ждут моего провала, и держу за руку оборотня, который только что при-

шёл танцевать со мной с серебром в крови.

И я хочу его. Здесь. Сейчас. Не потом. Не «когда всё уляжется». Сейчас.

Я смотрю на него и знаю, что Дамиан это чувствует.

Я поднимаю глаза к столу. Ищу его взгляд. Он смотрит на меня через весь зал. Я вижу всё, что он думает. И я знаю: он поймёт.

— Кайр, — говорю я.

— Ага.

— Едем.

Он смотрит на меня. Один удар сердца.

Потом кивает.

Мы уходим из зала вдвоём. Через главный вход. Сквозь зал вампиров. Просто уходим. Хозяева Бала крови смотрят нам вслед, но никто не смеет сказать ни слова. Северин смотрит на меня долго, но не двигается, не встаёт. Пусть смотрит.

Мы уже не игрушки.

Он везёт меня в нейтральный дом.

Дорога пустая, ночь чёрная, фары режут темноту. Он ведёт молча, обеими руками, и я вижу, как ходят его желваки. Через связь я слышу весь его гул — взбудораженный, огромный, и под ним — что-то, чего я раньше в нём не слышала. Неуверенность. Он боится. Потому что понимает, о чём мы молчим всю дорогу.

Мы входим в дом.

Ни света, ни звука. Только остывающий камин и запах ста-

рого дома. Дамиан остался на балу. Я это знаю. Он дал нам ночь.

Мы стоим посреди гостиной и смотрим друг на друга.

— Мира, — говорит Кайр.

— Да.

— Скажи.

— Что?

— Ты знаешь что. — Голос хриплый. — Твоими словами. Не через связь. Не из-за того, что в зале задеты все. Не потому что вампир отпустил. Скажи.

Я делаю шаг к нему.

— Я хочу тебя, — говорю я. — Давно. Не как компенсацию и не назло. Только тебя. Своими словами. Это моё «да».

Он закрывает глаза.

И берёт меня на руки.

Он несёт меня наверх медленно.

Тяжело ступает, будто каждый шаг проверяет. В спальне темно, только свет с улицы ложится на пол прямоугольником. Он ставит меня на ноги у кровати. Не отпускает. Держит за плечи. Смотрит.

— Если ты передумаешь — просто скажи, — говорит он.

— Не передумаю.

Он наклоняется.

Долго. Осторожно. Будто просит. Целует меня в шею. В то место, где несколько дней назад пил Дамиан. Его губы холоднее — как быстро остыло серебро в его крови — но под

губами горячее, чем у любого другого.

И я отвечаю. Всем телом.

Всё дальше идёт медленно.

Он огромный, он боится, он осторожен, и это, оказывается, самое горячее, что было со мной за жизнь. Он спрашивает меня глазами каждый раз. Каждый раз. Он не делает ничего, чего я не позволила. Он делает только то, что я прошу. Я говорю ему словами и телом, и он слушает.

Я задыхаюсь от того, как это медленно. Как это честно.

Его кожа пахнет разогретым металлом и хвоей. Его пальцы держат меня, а не прижимают. Его бёдра толкаются так, будто он всё время сдерживается, чтобы не сделать больно. Его голос срывается на моё имя, и это имя больше не моё — оно принадлежит тому, кто сейчас во мне, во мне и в моём теле, а моё тело отвечает, как не отвечало никогда.

Через связь всё это проходит сквозь меня с другой стороны, будто наслаждение удваивается. Мир вспыхивает по краям. Я слышу, как стон вырывается из моих губ, слышу его стон в ответ, и это не выдаёт общий ритм — это создаёт новый.

Ближе к концу метка на моём запястье вспыхивает.

И на плече.

Красно-золотая, как и та, что на запястье, только ярче, выпуклее. Она вспыхивает на правом плече, как клеймо, как отпечаток. Огонь идёт по коже, и с этим огнём последняя половина связи замыкается. Я чувствую, как между нами смы-

кается вторая нить. Больше не одна на двоих. Теперь две. Одна — с Дамианом. Другая — с Кайром.

Связь замыкается.

Он замирает надо мной.

— Мира.

— Да.

— Оно… я чувствую.

— Я знаю.

Он опускается на меня, огромный, тёплый, тяжело дышащий, и лежит так, лицом в моё плечо.

— Я люблю тебя, — говорит он.

Я не говорю в ответ ничего.

Я просто держу его. Держу огромного альфу, прижавшегося ко мне так, как не прижимается никто и никогда был бы не должен, и через связь чувствую в нём и облегчение, и счастье, и страх. Он получил своё «да» — и уже боится, что этим всё закончится.

Я глажу его по спине.

И засыпаю с ним, не отпуская.

И тут приходит Дамиан.

Он не входит в спальню. Никогда бы не вошёл. Он просто чувствует всё через связь. Каждая волна проходит через него. Я не могу от неё закрыться. Мы обе — одна система.

Я лежу в темноте и не могу спать, потому что чувствую, что он не спит.

Он не злится.

Он не ревнует.

Он просто стоит далеко внизу. Он чувствует то же, что чувствую я. И он не вмешивается.

Я чувствую через связь холод, прокладывающий ровный путь от него ко мне. Не боль. Не упрёк. Просто ровное, тихое, бесконечное присутствие того, кто не мешает.

Я счастье это чувствую, и именно поэтому сердце сжимается.

Потому что сейчас во мне, вместе с Кайром, вместе с его телом и его дыханием, я не могу не думать о Дамиане. Я не хочу его сейчас в том же смысле, в каком я хочу Кайра. Но я хочу, чтобы он тоже был здесь. Хочу, чтобы он не стоял один внизу.

Я лежу с одним мужчиной и тоскую по другому.

Это столько всего, что я не знаю, как это вместить.

Кайр гладит меня волосами. Не спрашивает, о чём я. Просто держит. Я благодарна ему за это. Я не могу сейчас говорить.

Утром, когда я открываю глаза, Кайр спит рядом, огромный и тёплый, рукой на моей талии. На плече у меня тлеет новая метка, красно-золотая, красивая.

Я встаю осторожно, чтобы не разбудить. Спускаюсь вниз.

В гостиной холодно. Все шторы задёрнуты. Но одна из них, крайняя, чуть сдвинута.

Дамиан стоит у окна.

Стоит вплотную к стеклу, лицом к щели в шторе. За ок-

ном, за щелью, встаёт солнце. Первый луч, тонкий, розовый, уже касается его лица. Ещё минута, и луч станет шире. Ещё минута, и он попадёт ему в глаз.

Он стоит и смотрит туда, где встаёт то, что может его убить.

Я чувствую через связь: он этого не замечает.

Он не думает о смерти. Он смотрит в рассвет и не понимает, зачем живёт дальше. Он двести лет жил по правилам, которые придумал ему дядя. Двести лет думал, что знает, что такое добро и зло. И вчера увидел перстень и понял, что был ещё одним орудием в чьих-то руках.

Я уже успела понять с первого дня: вампир может жить под солнцем ровно столько, сколько смотрит на него.

Я иду к нему.

— Дамиан.

Он не отвечает.

Я беру его за руку. Рука холодная. Луч уже скользит по его щеке. Ещё секунда, и будет больно.

— Дамиан, закрой штору.

Он медленно отводит глаза от окна. Смотрит на меня.

— Ты проснулась, — говорит он ровно. Голос не дрожит. Он никогда не дрожит.

— Закрой штору.

Он закрывает.

Я стою с ним рядом, у задёрнутого окна, в тёмной гостиной, и держу его за руку. Я слышу, как наверху просыпается

Кайр. Через связь идёт его тепло, ровное, огромное. И через связь идёт тихий холод Дамиана, тонкий, как тонкая нитка.

— Ты не должен был это видеть, — говорю я. — И он не должен был это делать. Это придумали не вы. Это придумали до вас. Вас обоих так вырастили. — Я смотрю на него. — Ты не орудие. Ты не орудие даже тогда, когда сам был уверен, что это так.

Он молчит. Долго.

— Ты с ним спала, — говорит он наконец. Ровно.

— Да.

— Я это чувствовал.

— Я знаю.

— Ты его любишь.

— Я не знаю, что это. Я не хочу называть это словом, пока не пойму, что оно значит.

Он молчит.

— Ты чувствовал это и не пришёл, — говорю я. — Почему.

Он смотрит на задёрнутую штору.

— Потому что это твоя ночь, — говорит он. — Не моя.

Я делаю то, что хочу. Сама.

Я обнимаю его. Просто обнимаю, руками вокруг, лицом в грудь. И чувствую через связь, как он замирает. Потом, медленно, осторожно, кладёт подбородок мне на макушку. Обнимает. Долго. Не отпускает.

— Я не знаю, что у нас будет, — говорю я ему в грудь. —

У нас троих. Может, ничего. Может, всё. Я знаю только, что не хочу одной сегодня утром. И не хочу, чтобы ты стоял у окна, где тебя убивает солнце.

Он гладит меня по спине.

— Ты удивительная, — говорит он тихо.

— Я обычная, — говорю я. — Просто больше не буду молчать.

И наверху, в коридоре, слышны тяжёлые шаги. Кайр спускается. Я не оборачиваюсь. Я держу Дамиана и не отпускаю.

И это тоже ответ. На тот вопрос, который никто из нас ещё не задал.

ГЛАВА 18. ПРЫЖОК

Кайр спускается.

Я слышу его через связь раньше, чем слышу шаги. Тёплый, встревоженный, чуть растерянный. Он не знает, что застанет внизу. Прошлой ночью мы с ним были вдвоём. Сегодня утром я стою в объятиях второго. Через нас всех проходит одна и та же нить, и эта нить всю ночь горела с обеих сторон.

Я не отпускаю Дамиана.

Не потому, что боюсь отпустить. Потому что отпустить сейчас значило бы спрятать. А я больше не прячу.

Кайр появляется в дверях.

Он стоит на пороге, заспанный, огромный, в расстёгнутой рубашке. Рука на косяке. Смотрит на нас обоих. Я — в объятиях одного, другой — у дверей.

Тишина.

— Я не вовремя, — говорит Кайр глухо.

— Вовремя, — говорю я.

— Я могу выйти.

— Не можешь. Стой здесь.

Он стоит.

Дамиан медленно отпускает меня. Отходит на шаг, потом ещё. Кладёт руки за спину, становится так, как всегда стоит. Ровный. Безупречный. Отстранённый. Через связь я чув-

ствую, как он боится. Это невозможно, чтобы Дамиан Вейр боялся. И всё же. Я это чувствую.

— Дамиан, — говорю я.

— Мира.

— Я хочу с тобой поговорить. При нём. — Я киваю в сторону Кайра. — Не с глазу на глаз. Не в темноте. Чтобы было сказано при вас обоих.

Кайр смотрит на меня.

Дамиан смотрит на меня.

Я сажусь на диван. Медленно, ровно, руками на колени. На мне его футболка. На плече тлеет новая метка — свежая, выпуклая, красно-золотая. На запястье старая. Обе на мне. Обе одинаковые.

— Садитесь, — говорю я.

Они садятся.

Кайр в кресло напротив. Дамиан на другой конец дивана. Между ними расстояние, которое они привыкли держать. Я в середине.

Дамиан встаёт.

— Прости. Чай, — говорит он.

Он уходит на кухню.

Я остаюсь одна с Кайром.

Мы молчим. Я слышу, как на кухне звенит чайник, как открывается шкафчик, как стучит что-то о плиту. Он не суетится, нет. Дамиан не умеет суетиться. Просто делает.

Кайр смотрит на меня.

— Ты его любишь, — говорит он тихо.

— Я не знаю.

— Я чувствую.

— Ты чувствуешь много. Я тоже чувствую много. От этого не становится яснее.

— Тогда почему ты зовёшь нас сюда.

— Потому что я больше не могу держать это в себе.

Дамиан возвращается. Несёт три чашки. Две с чаем, одна с водой — его. Ставит на столик. Моя — та самая, синяя, с отбитым краем. Он привёз её из города. Просто потому что заметил, что я её люблю.

Он садится на прежнее место.

Смотрит на меня.

Через связь я чувствую, как внутри него всё сжимается. Медленно, спокойно, как сжимается пружина перед тем, как её распустят. Он знает, что я скажу. Он догадывается. Он готовится к этому всю ночь.

Я беру свою чашку. Обеими руками. Грею пальцы.

— Я не хочу выбирать, — говорю я.

Тишина.

Обе чашки остаются на столике. Ни один не притронулся к своей.

— Я хочу вас обоих, — говорю я.

И вот эти слова сказаны. Вслух. При обоих. В этом тихом доме, при задёрнутых шторах, при рассвете за окном. Я сказала это.

Я чувствую, как по телу идёт холод. И жар. Одновременно. Я говорю то, что говорила себе всё это время. Но вслух это звучит иначе. Вслух это уже решение. Вслух это прыжок.

Я ставлю чашку.

— Я долго думала, что это неправильно. Я думала так с первого дня. Я говорила себе, что я одна здесь нормальная, что это наваждение, что это связь на меня давит, что это всё можно перетерпеть и выйти. — Я смотрю на них. — Я больше так не думаю.

Кайр молчит.

Дамиан молчит.

— Я знаю, что вы можете сейчас встать и уйти. Оба. Или один. Это ваше право. Я не могу вам ничего обещать, кроме одной вещи. — Я смотрю то на одного, то на другого. — Я не буду лгать. Ни одной из вас. Я не буду прятать одного от другого. Я не буду делать вид, что во мне это не живёт.

Я смотрю на Кайра.

— Прошлая ночь была твоей. Я не жалею о ней. Я не отдам её никому и ни за что. И если ты сейчас скажешь, что хочешь, чтобы её никогда не было, я пойму. Но если ты скажешь, что хочешь, чтобы я выбрала только тебя, если ты скажешь, чтобы я забыла Дамиана, — я не смогу.

Кайр смотрит на меня.

— Не сможешь, — повторяет он.

— Не смогу.

Он опускает голову.

Дамиан тоже молчит.

Я смотрю в чашку.

— Я готова услышать от вас «нет», — говорю я тихо. — От одного или от обоих. Я знаю, что прошу много. Я знаю, что это не по вашим обычаям. Триста лет назад это погубило Элиану. Я знаю всё это. И я всё равно больше не готова лгать себе. Я лучше услышу от вас «нет» и останусь одна, чем буду продолжать жить между вами, не зная, что вы на самом деле думаете.

Я поднимаю глаза.

— Вот всё. Я сказала.

Дамиан молчит минуту.

Он смотрит в стену за моей спиной. Лицо без выражения. Я не читаю через связь ничего, потому что он закрылся. Впервые за все эти дни он закрылся от меня.

Потом говорит.

— Я двести лет не знал, зачем живу так долго, — говорит он ровно.

Я слушаю.

— Когда мне было сорок, я думал, что мне нужна власть. Я её получил. В восемьдесят думал, что мне нужны деньги. Они у меня есть. В сто пятьдесят думал, что есть наука, знания, книги. Я прочёл всё, что хотел. Всё, что есть. — Он делает паузу. — Двести лет — это долго, Мира. Это достаточно долго, чтобы испробовать всё, чем люди и нелюди наполняют своё время. И у меня ничего не осталось. Не потому,

что я так устал. Потому, что ни к чему я не привязался так, чтобы из-за этого хотелось вставать на закате.

Он смотрит на меня.

— А потом ты вошла в мою гостиную, — говорит он. — И я впервые за двести лет почувствовал, что чего-то хочу. Не крови. Не власти. Хочу, чтобы ты проснулась завтра при мне. Хочу, чтобы ты была рядом, когда я работаю. Хочу, чтобы ты злилась на меня, как ты делаешь это каждый день. Хочу, чтобы ты пила свой чай из этой чашки, потому что ты любишь эту чашку.

Он показывает глазами на синюю чашку на столике.

— Я не знаю, что это, — говорит он тихо. — Не знаю, сколько это продлится. Что будет с нами через год или через сто лет. Но я точно знаю, что за двести лет я ни разу такого не чувствовал. И я не собираюсь от этого отказываться.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

— Кажется, я этого ждал, — говорит он.

И больше ничего не добавляет.

Я стою и смотрю на него.

За спиной у меня, в кресле, Кайр.

Он входит в разговор не сразу.

Он встаёт, медленно, тяжело, всё ещё не оправившийся. Делает шаг ко мне. Останавливается. Смотрит на Дамиана. Долго.

— Я ненавижу вас, — говорит он тихо.

— Знаю.

— Меня с детства учили вас ненавидеть. Мой отец показывал мне ваши портреты и говорил: это те, кто убил твоего деда. Я верил. Я верил всем, кто мне это говорил. И вы верили тем, кто вам говорил то же самое о нас. — Он смотрит на Дамиана. — И вот я двести лет живу с этим. Я ненавидел вас даже вчера. Ненавидел за тебя, — он смотрит на меня, — за то, что ты выбрала меня в тот же день, что и его. За то, что ты ко мне пришла уже с ним. За то, что я был уверен, что ты нас делишь.

Он делает вдох.

— А потом я почувствовал, как он сидел в этой комнате всю ночь. Как он не пришёл к тебе наверх. Как он не мешал. Он чувствовал всё через тебя. Всё. А ты не знаешь, что это значит. Ты не знаешь, чего стоит сидеть внизу и слышать, как любимая женщина у тебя наверху с кем-то другим, и не подняться. Это стоило ему больше, чем стоит мне умереть. И он не поднялся. Потому что тебе была нужна эта ночь.

Он смотрит на Дамиана.

Дамиан не отводит глаз.

— Я не знаю, ненавижу ли я вас до сих пор, — говорит Кайр. — Я не уверен.

Он смотрит на меня.

— Но я знаю, что я не могу тебя потерять.

Кайр подходит ближе. Ещё шаг. Останавливается передо мной.

— Если ты говоришь, что хочешь нас обоих, — говорит он, — тогда я не скажу тебе «нет».

Я смотрю на него.

— Но и «да» не скажу, — добавляет он. — Не сразу. Это слишком. — Он делает паузу. — Я останусь. Я не уйду. Я останусь и посмотрю, что из этого выйдет.

Он смотрит на Дамиана.

Дамиан смотрит на него.

Они стоят друг напротив друга через меня.

И между ними что-то медленно, очень медленно сдвигается с места.

— Хорошо, — говорит Дамиан тихо.

Кайр кивает.

— Хорошо.

И они оба замолкают.

Я чувствую, как через связь впервые с самого начала между ними проходит что-то общее. Не симпатию. Не близость. Что-то более простое и более редкое. Признание.

Они признали друг друга. Через меня, но добровольно.

В ту секунду обе метки на мне начинают светиться.

Обе. Запястье и плечо. Одновременно.

Метки сменяют цвет. Из красно-золотых они становятся тускло-серебристыми на конце. Ровный свет. Теперь не жар. Свет. Как будто кто-то очень старый повернул ключ.

Я смотрю на свои руки.

— Что это, — говорю я.

Дамиан смотрит на моё запястье. Медленно опускается на колено, чтобы посмотреть ближе. Кайр делает то же с другой стороны.

— Ты помнишь, что писала Элиана, — говорит Дамиан ровно. — Связующая не просто держит двоих. Через неё формируется их связь между собой. Пока эта связь не сформируется, Связующая держит. Когда формируется — работает сама.

Он смотрит на меня.

— Метки сработали, Мира.

— Молчат, — говорит Кайр.

— Да, — говорит Дамиан. — Теперь они держат без нас.

Он встаёт.

Он смотрит на Кайра.

— Как ты себя чувствуешь, — говорит он.

— Тепло, — говорит Кайр. — Не должно быть тепло. От тебя должно быть холодно.

— А у меня наоборот, — говорит Дамиан тихо. — Странно. От волка должно быть холодно, а мне тепло.

Они стоят и смотрят друг на друга.

А я понимаю, что мы только что сделали.

Мы не решили вопрос. Мы только начали его решать. Мы только сказали друг другу правду, и этого хватило на то, чтобы метки сработали.

Но я знаю и другое. Через связь я чувствую и его, и его — оба поля идут сквозь меня теперь с одинаковой силой.

И тот, и другой не знают, что с этим делать.

Я тоже не знаю.

Я беру свою чашку и делаю глоток.

Чай остыл.

Никто из нас пока не сказал самого главного. Никто не сказал «да». Никто не сказал, что мы будем делать, когда нас найдут. Но одно мы уже сказали: никто не уходит. И до сих пор это самое настоящее, что было сказано в этом доме.

ГЛАВА 19. ДОГОВОР ТРОИХ

Чай остыл, и никто не встаёт, чтобы налить новый.

Это смешно. Двести лет одному, двести лет другому, двадцать семь мне, и вся эта бездна прожитого сидит в тёмной гостиной и не может решить, кто первым поднимется к чайнику. Как будто тот, кто встанет, нарушит что-то хрупкое. Как будто сказанное за последние полчаса держится только на том, что мы трое не двигаемся.

Я смотрю на свои руки. На запястье метка. На плече вторая, под футболкой, я её не вижу, но чувствую. Обе больше не жгут. Они светятся ровно, будто внутри кожи кто-то оставил маленькую лампу и забыл выключить. Кончики серебряные.

Кайр сидит в кресле, широко расставив колени, и разглядывает свои ладони так же, как я свои. Дамиан на краю дивана. Спина прямая, руки на коленях, лицо спокойное. Но я теперь знаю, как выглядит его спокойствие изнутри. Изнутри оно похоже на человека, который очень аккуратно держит полную до краёв чашку.

— Северин, — говорю я.

Одно слово. И в комнате становится холоднее, хотя камин мы так и не разожгли.

Кайр поднимает голову.

— Я ему шею сверну.

— Нет, — говорит Дамиан.

— Ты его защищаешь?

— Я защищаю тебя. — Дамиан не повышает голоса, он вообще никогда его не повышает. — Если ты сегодня войдёшь в дом Вейров и тронешь старейшину рода, завтра весь род встанет за него. Не за правду. За него. Потому что волк поднял руку на Вейра. И нам троим придётся объяснять, откуда у нас уверенность, что перстень на его пальце — подпись, а не украшение.

— Она видела.

— Она видела рисунок на обгоревшем клочке бумаги, — Дамиан поворачивается ко мне. — Прости. Я тебе верю. Но совет не поверит реставратору, который сличил два рисунка на глаз. Совет поверит документу.

Я киваю. Он прав, и мне от этого неприятно, потому что первое моё желание было ровно таким же, как у Кайра. Схватить. Выдернуть. Спросить в лицо.

— Значит, мы делаем вид, что ничего не з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.